

СМЕНА

10

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Первая русская опера

На опере «Громобой» и титульный лист клавира оперы Верстовского «Аскольдова могила». По поводу этой оперы газета «Русский художественный листок» в 1857 году писала:

«15 сентября 1835 года была поставлена первая русская опера — сцену «Аскольдова могила». Её мотивы, её мелодические песни, её удачные, разгуль-

ные хоры сделались народными и пропагандой по всей России».

Афиши первых спектаклей и юбилейная афиша.

В зрительном зале Большого театра 2 050 мест. В театре работает около 3 000 человек. Пятьсот рабочих ежедневно заняты по обслуживанию спектакля. Коллекция оркестра 250 человек. Число зрителей в балетных труппах — 200 человек. Составы оперы свыше 100 человек. Костюмерная театра располагает 100 000 костюмов. В мастерских 22 цеха. В них занято около 600 рабочих 90 профессий.

НЕСКОЛЬКО ЦИФР

Петровский театр

В 1770 году в Москве была создана театральная труппа. Первые четыре года она не имела постоянного здания и играла в частных залах и театрах. Тогда же в Петербурге было построено здание, которое вы видите на старинной гравюре. Торжественное открытие императорского Петровского театра состоялось в 1780 году.

В театре ставились оперы, и драмы, и балеты, хотя разделения

труппы не было. Среди первых спектаклей были опера Зорина («Пророк», комическая опера Абрамова «Мария Магдалина» — колдуньи, обманщики и святые), которая имела огромный успех у московской публики.

Из двадцати пяти русских опер, появившихся в конце XVIII века, большинство было создано в Петровском театре.

В 1805 году здание Петровского театра сгорело, и на его месте был построен архитектором О. Бажовым Большой театр.

Торжество Музъ

Проlogue

На открытии Императорского
Московского Театра.

МОСКВА.
В Камергерском зале.
1825.

Бас Николай Лавров, первый выступавший на сцене Большого театра в день его открытия, пел в опере «Горжество муз» опев Аполлония. Аполлоний — герой эпосов о героях дафназапона — от верхнего до к низкому сола.

Исторические события

«В пятнадцатом Большом театре, в ту же, надышанном людьми, едва светились сотни лампочек красноватым наливом. Было это в 1825 году. На сцене, с постепенными арками в кулисах, сконц. близ тускной рампы, сидел за столом президиум...»

Граф Григорий Денисович Денисов. Катя, вглядываясь с высоты пятого яруса. Рощин, державший, но отпуская, ее худенькую руку, улыбался. Это был тот самый тот, в черном пальто, видишь — он быстрее пишет, поднял голову, бросает взгляд на стол президиума. Это был тот, чьи кудрявые волосы, с серыми усами — Сталин, тот, что разгромил Денисова...»

Так описывал Алексей Толстой «Любимую оперу» VIII съезда Советов. Много раз Большой театр был свидетелем выдающихся исторических событий. Здесь выступали Ленин и Сталин, и докладами Ленин и Сталин, в театре проходили съезды партии, съезды Советов, конгрессы Коминтерна, торжественные заседания.

«Советский артист» — так называлась газета Большого театра. На своих страницах газета широко освещает предвыборные социалистические соревнования, публикуют выступления лауреатов Сталинской премии, участников новых постановок.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 10. 1951 год.

Год
издания
28-й

ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Во второй половине мая вся страна отмечает 175-летие Государственного академического Большого театра Союза ССР. Это большой праздник советской культуры.

Датой рождения Большого театра следует считать 28 марта 1776 года, когда в Москве была создана постоянная русская театральная труппа.

Большой театр возник в пору основания Академии наук, Московского университета, в пору расцвета деятельности Ломоносова и Радищева, Фонвизина и Державина, Суворова и Ушакова, Рокотова и Казакова, в пору, когда русский народ выдвинул свою интеллигенцию, определившую самобытное развитие русской национальной культуры, достигшей великолепного расцвета в XIX веке. Это можно проследить и на примере оперных трупп.

В 1842 году Большой театр поставил оперу Глинки «Илья Сущинский», зато в «Руслане и Людмиле». Оперы Глинки, первые русские классические оперы, учреждали реалистический характер творчества Большого театра и воспитали плеяду блестящих певцов и певиц, среди которых можно назвать баса Николая Авторова, тенора Александра Бантышева, певиц Надежду Репину и Екатерину Семёнову.

Однако дирекция императорских театров пытались отвлечь зрителей от русской народной музыки, от спектаклей, посвященных народу. На сцене Большого театра устраивались маскарады, концерты цыган, а в начале 60-х годов дирекция сделала театр итальянской группе. Оперы Даргомыжского, Римского-Корсакова, Бородина, Чайковского, Мусоргского по многу лет лежали в архивах дирекции и не разрешались к постановке. «Снегурочка» Римского-Корсакова была поставлена лишь через двадцать лет после её написания, оперы Чайковского «Мазепа», «Чайка», «Чародейка» были сняты с репертуара, несмотря на огромный успех у зрителей.

Значение опер Глинки, Даргомыжского, Серова, Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова было таким же, как и значение русской литературы и критики того времени, стремившихся к народности, к общественному содержанию и стоявших в оппозиции к царизму. Отсюда понятно, почему русские композиторы так охотно брали сюжеты для своих опер из произведений Пушкина, Гоголя, Альфредо-

ва, Островского, из народного эпоса.

Борьба, которую вела русская музыкальная критика, поддержанная передовыми общественными деятелями и демократическими слоями зрителей, против иностранных звезд, занявших сцену Большого театра, против итальянничества, за русскую оперу и балет, завершилась победой русского искусства. Русский репертуар стал прочно входить в жизнь театра. На сцене были поставлены «Русалка» Даргомыжского, «Юдифь» и «Ронгела» Серова, в 1875 году — «Опричник» Чайковского, через два года — балет «Лебединое озеро», внесший много нового вバレетное искусство, зато «Демон» Рубинштейна и «Евгений Онегин» Чайковского. Демократическая публика хмынула в театре, и итальянцы вынуждены были снять покинуть.

Наконец, русским операм театр ставил и лучшие произведения западной классики — Моцарта, Россини, Верди, Гуно и других.

Конец девятнадцатого и начало двадцатого века ознаменовалась еще большим расцветом исполнительского творчества. Шаляпин, Собинов, Нежданова — корифеи Большого театра — воплотили в себе лучшие достижения русской и мировой музыкальной исполнительской культуры.

То же можно сказать о таких выдающихся исполнителях, как Роголевская, Джуря, Гольцер и другие. Они продолжали традиции великолепных таиновщиков прошлого века — Сансковской, Богдановой, Аббедовой.

Великая Октябрьская социалистическая революция означала новую эпоху в истории Большого театра. Советская власть широко открыла двери театра для народа. Коллектив театра пополнился новыми талантливыми артистами, выходящими из рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции.

В двадцатых годах на сцене Большого театра был поставлен балет Р. Глазера «Красный мак» — первый советский балет о современниках.

В тридцатых годах осуществлялась постановка одной из первых советских опер — «Тихий Дон» И. Дстерлинского.

При советской власти Большой театр поставил значительное количество опер и балетов, созданных советскими композиторами.

В спектаклях Большого театра видное место заняла молодёжь. О её росте можно судить по следующим цифрам:

Большой театр выделил сто тридцать шесть участников на Московской городской смотр творческой молодёжи, из них пятьдесят были допущены на второй тур; за многими молодыми артистами закреплены ведущие партии в операх и балетах.

Недавно Сталинская премия была присуждена молодому актёру Александру Огинцеву за исполнение партии Досифея в «Хованщине». Огинцев, в прошлом жалезнодорожник, в конце войны поступил в консерваторию, а после окончания её был принят в Большой театр.

Примерно также же творческий путь Веры Фирсовой, Марии Звидиной, Нины Налиной, Попковой, Ивана Петрова, Леонида Масленникова и целой плеяды других молодых певцов и певиц.

Что касается балета, можно сказать, что он весь молодёжный.

Во многих спектаклях участвуют воспитанники хореографического училища Большого театра.

Всего несколько лет назад училище это называлось комсомольским Училищем Пионеров, а в это училище тянулись ведущие партии почти во всех балетах. Этих одиннадцати лучших балерин — Раисы Стручковой, Александра Арапури, Юрия Жданова, Георгия Фарманяна, Глеба Евдокимова — по типичным представителям глаацальной молодёжи, которых повседневно воспитывают прославленные мастера Большого театра.

Партия и правительство и лично товарища Сталина постоянно уделяют исключительное внимание Большому театру, заботятся о развитии советского оперного и балетного искусства. Известно, например, что в беседе с авторами оперы «Тихий Дон» товарищ И. В. Сталин дал указание о необходимости поднять советское оперно-балетное творчество до уровня классических произведений, о создании советской оперно-балетной классики.

В постановании ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурзакели» вновь подчёркивалось, что характерными признаками реалистического направления, по которому должно развиваться советское музыкальное искусство, являются «признание огромной прогрессивной роли классического наследства, в особенности традиций русской музыкальной школы, использование этого наследства и его дальнейшее развитие, сочетание музыкальной сдержанности и художественного совершенства музыкальной формы, правдивости и реализмичности музыки, её глубокой органической связи с народом».

и песенным творчеством, высокое профессиональное мастерство при одновременной простоте и доступности музыкальных произведений».

Эти принципиальные указания партии сыграли огромную роль в развитии Большого театра. За последнее время поставлены оперы «Морозко» Красава, поставлены балеты «Ромео и Джульетта» Прокофьева, «Медный всадник» Глинки, «Мирандалонда» Васильенко, в новой реадакции — «Красный мак» и «Аистёнок».

Внимание партии, правительства и лично товарища Сталина к Большому театру позволило ему стать любимым театром советского народа. Двенадцать спектаклей, шестьдесят пять исполнителей — актёров и режиссёров — удостоены Сталинских премий.

Однако прежнее руководство Большого театра и Комитет по делам искусств не сделали до конца практических выводов из принципиальных указаний партии о развитии советской оперы. Об этом говорит факт постановки на сцене театра слабой, содержащей серые блёны ошибки и недостатки оперы Г. Жуковского «От всего сердца». Как указывалось в апреле текущего года в редакционной статье «Правды», взывавшей за большую и важную тему, авторы спектакля не изучили жизни современной колхозной деревни, не отразили её в художественных образах и реалистичной музыке.

Эти указания должны мобилизовать коллектива театра на ещё более упорную работу по созданию советской музыкальной классики.

Солисты Большого театра (слева направо): Евгения Смоленская, Иван Петров и Вера Фирсова.

Фото Г. Борисова

А. В. Нежданова и Л. В. Собинов в опере «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова.

КОРИФЕИ РУССКОЙ ОПЕРЫ

Н. ГОЛОВАНОВ,
народный артист СССР, лауреат Стalinской премии

Тот, кто слышал оперу «Русан и Людмила» Глинки с участием Шалилана, Собинова и Неждановой, никогда не забудет этого блестительного трио величавого, мужественного героя Руси — Ильи Муромца, изумрудного Бориса Собинова и женственной, трогательной и в то же время сильной дочери русского народа Людмилы Абрамовой.

Великолепные артисты, продолжавшие лучшие традиции русской исполнительской культуры, они подняли на небывалую высоту русскую оперу на рубеже XIX—XX веков.

Я начал свою работу в Большом театре в пору самого расцвета таланта Шалилана, мне чрезвычайно хотелось, чтобы он мог выступать на его репетициях, слушать его в операх.

Трагический, обреченный на гибель царь Борис Годунов, величественный царь-волк Соловецкого Пимена, бесцельный гуляць Варзапа, простодушный Дон-Кихот, павший в иерархии борьбы с темными силами зла — все эти созданные им герои покоряли зрителя, могучими средствами правды, обдуманными и зреющим мастерством исполнения.

Борис Годунов стал мое первое выступление Шалилана в малозвестной и, по крайне горючей, музыкально незатейливой опере Максима «Дон-Кихот». Шалилан — рыцарь печального обличья — сразу же покорил меня. Он был прекрасен, спеша придать живому и изнуренному виду, аристократичен в своем цвете ребра, живописен, изящен, изыскан. В его исполнении я впервые услыхал любовные стихи, посвященные Дульцинеи. Отгущительные овации потрясли зал Большого театра. А в герое царя Бориса была харизма головы. Концепция Сергея Стасилавского. Повзрослев, обличив свое пение он надел очки и к сценам приступил в зрительном виде. Он был прекрасен, сопровождением Шалилана, от души сыграл своим заразительным, ему одному присущим смехом.

Шалилан был великим актером, мастером перевоплощения. Только что мы все стояли как курицы (и диконировалось горючее), и Федор Иванович в бесцельном, изумрудном разномятке смешался со всеми кругами хохота.

И вдруг я отменно преобразился: сразу зиркнул глаза, трагически изнасистал весь его облик, и моя мимика стала яркой, яркой на сцену, умирающий царь Борис, утешаемый гордыми предчувствиями близкой гибели своего государства.

У Шалилана ни один образ не находил на другой. Это были различные не только по внешнему, но и по духовному своему складу люди, в которых я, как артист выкладывал скромности своего дарования.

Его гастроли по Европе и Америке вызывались в труппе Большого театра, а также московского театра Шалилани не только раскрыли перед всем миром красоту и гармонию русских опер, но своим исполнением по-новому осветили и обогатили историю мировой оперы. Уважаемый дирижер Тосканини говорил мне, что именно Федор Иванович своим исполнением Мефистофеля в опере «Фауст» Гофмана и Штрауса, Бойто, долгое время пребывавший в тени.

Федор Иванович страстью любил песни своей родины. Со временем крупнейших театров мира заснули в своем зале память о песнях в исполнении Шалилана, то лихие и буйные, то исполненные глубокой грусти. Во времена поездок в Америку я часто разговаривал с Федором Григорьевичем, который говорил мне, что когда-нибудь вернется в Нью-Йорк или в Милане неведомо откуда залезшую сюда «Дубининшу».

Это стало мечтой тогда Теодора Шалилана, — понимали мы.

Человек, отдавший весь свой великолепный талант служению искусству, вдохновивший свою

мы мастерство многих выдающихся композиторов, обаятельный, широкий, воссторжене одаренный, остроумный — таким навсегда останется в моей памяти Федор Иванович Шалилани.

С Леонидом Витальевичем Собиновым я был связан большой личной дружбой. Ярое и светлое лирическое дарование Собинова впервые проявилось в опере «Снегурочка», где он играл образы мечтательного поэта Ленского и немецкого Логгинана.

После гастролей в легендарных театрах не менее интересен варшавский прозаик оттенками, чистый голос Леонида Витальевича. Недаром многие выдающиеся деятели искусства высоко ценили его как одного из самых выдающихся певцов оперы.

Вличной жизни Леонида Витальевича был полон интерес к родной душевной прозрачности и доброты человека. Даленый от всяческих интриг и замысловских сплетен, нередко господствовавших в то время в театре, он неизменно использовал в своем исполнении высокий публичный стиль и всегда заслуживал аплодисментов публики, а впоследствии ряда, студента и рабочей молодежи. Собинов охотно давал интервью, проводил мастер-классы в концертах, в концертах, организованных в пользу бедных учеников, глашдающих Польский идэй в других странах.

Леонид Витальевич был постоянным партнёром Антониной Васильевны Неждановой. Они вместе пели в опере «Евгений Онегин» («Лозингтон», «Ромео и Джульетта», «Сказка»).

Знаменитый венгерский дирижёр Артур Ницки, дирижировавший оркестром оперой «Лозингтон», в мое почтение, писал:

— Но могу не выразить моего восхищения как великолепным сочетанием партнёров, так и их исполнением роли Елены в опере «Лозингтон».

Артур Ницки, дирижер оперы «Лозингтон», сам Вагнер, сочиняя свою оперу, не мог представить себе лучших исполнителей...

Тридцать семь лет тому назад я познакомился с Антониной Васильевной Неждановой, и с тех

Ф. И. Шалилани в роли цара Бориса («Борис Годунов» М. Мусоргского).

А. В. Нежданова в роли Антоинетты («Мазин Сусанин» М. Глинки).

Л. В. Собинов в роли Ленского («Евгений Онегин» П. Чайковского).

пор все моя жизнь была тесно связана с жизнью великих артистов.

Мне трудно писать о Неждановой. Человек великий, разносторонней культуры, она была блестящей, воинственной, умной, перепачкавшейся в мастерстве Птицы и Медведя, но происходившей из теплой, задушевной манеры исполнения, глубоком внутренним содержанием.

Подобно Шалиппину, Нежданова была не только певицей, но и превосходной актрисой. Когда она пела в «Третьем валентине», вы видите на сцене умную девушку от немецкой близости знаменитую куртизанку, в конце своей жизни она стала певицей, певицей любви, а когда она пела в «Лозингтоне», вы видите великую актрису, называвшуюся «Лозингтонской». Кстати, называлось, что Римский-Корсаков именно для нее написал свою доверчивую «Марфу»...

Она была другом с душами русскими писателями, художниками, композиторами Рахманиновым, Аренским, Гречаниновым, Ипполитовым-Ивановым, Глазуновым, посыпала ей свою прозаическую пылью Ольга Ольшевская, певица-актриса, певица-исследовательница, великая драматическая актриса Анна Николаевна Ермолова, любившая Нежданову, и певица-актриса Мария Борисовна Вильямс. Вильямс рассказывала она ей об искусстве держаться на сцене, скромны, точными средствами раскрывать внутренний мир своих ролей.

Мы часто совершили с Неждановой поездки за границу. Сыше сорока концертов для Антонина Васильевна Нежданова, ее концерты в Европе, и каждые из концертов превращались в чествование блестящей представительницы русского искусства, в триумф нашей национальной культуры.

Последние пятнадцать лет своей жизни Антонина Васильевна преподавала в Оперной студии имени Федора Шалилана в Российской государственной консерватории. Многие ученики Неждановой стали артистами крупнейших театров страны.

Все новые таланты приходят в театр, учиться у мастеров, учиться у великих артистов, продолжая традиции русской культуры, которые раскрыли перед ними корифеи русской оперы — Шалиппин, Собинов, Нежданова.

Достойна

Мария Звездина в роли Розины в опере «Севильский цирюльник». Фото Б. Игнатовича

Мария Звездина

Жизнь Мусы Звездиной ничем не отличается от жизни всякой советской юноши или девушки в нашей стране: всё способствовало развитию её таланта. Родилась она в трудовой семье в Одессе в 1923 году. Может быть, юные щедрое солнце, безграничные пространства синего моря, а скорее всего чистота, простота и счастье, с детства пробудили в девочке любовь к песне, к музыке. На пионерских кострах, в школьных рядах на первомайских парадах звонил красный и нежный голос Мусы Звездиной. Девочка посоветовали учиться в Одесском музыкальном училище.

Шли годы, и вот в Праге, на Международном фестивале молодежи, в огромном зале, где рядом с индусом, дружески беседуя, сидел англичанин, где выступали русские, немцы, китайцы сидели пленко к плечу, на сцену вышла молодая певица, студентка Киевской консерватории Мария Звездина. С тёплым лиризмом пела она труднейшие для колоратурного сопрано музыкальные произведения. Успех певицы был громаден, на фестиваль в Будапешт,— вторую премию.

Окончив консерваторию, Звездина в 1949 году дебютировала на оперной сцене в Большом театре. Она пела Джильду в опере Верди «Риголетто». Обладая звонкими, красивого тембра голосом и хорошими сценическими способностями, певица создала прадраматический, обаятельный образ Джильды.

Второй большой удачей М. Звездиной была партия Лакиз в одноименной опере Делибса. Эта партия требует от исполнительницы не только широкого кантиленного пения, тонкого лиризма, но и виртуозной вокальной техники. Знаменитую арию — народное сказание об индусской девушке, «дочери богов», и её волшебном колокольчике — М. Звездина исполняет с блеском, лёгкостью и изяществом, преодолевая, как и в партии Джильды, без всякого напряжения предельные для колоратурного сопрано высокие ноты. Голос Звездиной—Лакиз звонит, как колокольчик, о котором она поёт...

Роль Церлины в гениальной опере Моцарта «Дон-Жуан» потребовала от М. Звездиной реалистически верного понимания музыкального образа и строгой классической формы произведения, большого чувства ритма, выразительности речитативов. Певица справилась и с этой зада-

чей. С большой художественной убедительностью создала она образ весёлой, изящной, слегка щекастой, но вместе с тем простой, сердечной девушки Церлины.

Огромной популярностью, особенно среди юных зрителей, пользуется роль Зайчика (опера Красава «Морозко»), которую М. Звездина исполняет с исключительным мастерством.

И, наконец, последняя большая её творческая удача — партия Розины в лучшей опере Россини «Севильский цирюльник». М. Звездина увлекает зрителя художественной правдой, высокой вокальной техникой своей лёгкой, подвижной колоратурой.

Сейчас молодая певица работает над трогательными и поэтическими образом Джульетты в опере Гуно «Ромео и Джульетта». М. Звездина стремится передать лирическую красоту чистого, целомудренного образа Снегурочки, созданного фантазией Островского и Римского-Корсакова, и мечтает выступить в этой партии на сцене Большого театра.

Я верю, что и эта мечта молодой певицы превратится в прекрасную действительность.

Е. КАТУЛЬСКАЯ,
лауреат Сталинской премии

Александр Огнивцев и Игорь Михайлов

Впервые Александра Огнивцева я услышала на смотре студентов консерваторий. Тогда все члены комиссии единодушно отметили неизуatable дарование воспитанника Кишинёвского консерватории Огнивцева. Молодой певец обладал выразительным, большой силы и красноречивым тембром басом.

В октябре 1949 года сын железнодорожного машиниста Александр Огнивцев по конкурсу был принят в труппу лучшего оперного театра страны — Большого театра Союза ССР.

Игорь Михайлов в роли Деда-Мороза в опере «Морозко». Фото Б. Игнатовича

смены

С первых же дней Огинцев встретил в театре теплую, товарищескую поддержку. Горячее участие в молодом певце прияла великая оперная актриса Антонина Васильевна Нежданова. Много внимания ему уделяет главный дирижёр театра Н. С. Голованов.

Труппа нашего театра непрерывно пополняется свежими, молодыми силами. С начищающимися артистами ведут занятия крупнейшие мастера сцены.

Сейчас Александр Огинцев учится актёрскому мастерству у режиссёра драмтеатра Сталинской премии Б. Понровского, искусству сценического движения — у лауреата Сталинской премии Р. Захарова. Мы передадим Огинцеву свой театральный опыт.

За сравнительно короткий срок Огинцев сумел достичь многого. За исполнение трудной роли Досифея в опере Мусоргского «Хованщина» Александр Огинцев в числе других участников спектакля удостоен Сталинской премии.

Огинцев, безусловно, — талантливый певец, с превосходными вокальными данными и хорошей артистической внешностью. У него большое будущее. Но для того, чтобы успешно двигаться вперёд, ему нужно неустанные трудиться, совершенствовать свой голос, овладевать сценическим мастерством.

Но так давно труппа Большого театра пополнилась ещё одним одарённым певцом, Игорем Михайловым, — сыном народного артиста СССР Максима Дормидонтовича Михайлова.

Петь Игорь Михайлович начал с бас-баритоном. Он удачно выступая на концертах, в концертности, «Молодого воина», обладателя приятного голоса, перевезли в Краснознамённый ансамбль песни и пляски Советской Армии. Несмотря на то, что Игорь Михайлов в нашем коллективе находится всего два сезона, зрители любили его. Он создал яркий образ сказочного Деда-Мороза в опере Красава «Морозко». Случается и так, что отец и сын Михайловы участвуют в одном спектакле. В опере Чайковского «Евгений Онегин» Максим Дормидонтович, например, исполняет роль Гремина, а Игорь — Зарецкого.

А. БАТУРИН,
лауреат Сталинской премии

Раиса Стручкова в роли Золушки в одноимённом балете.
Фото Е. Умнова

Раиса Стручкова и Майя Плисецкая

В недавно закончившемся смотре артистической молодёжи Москвы от Большой труппы Большого театра на первом месте вышла комсомолка Майя Плисецкая и Раиса Стручкова.

Дважды в этом году Майя Плисецкая — первая исполнила роль Одедты-Одиллии в балете Чайковского «Лебединое озеро». Это значительное событие не только в жизни молодой актрисы, но и в жизни всего нашего коллектива. Волюты на сцене этот труднейший образ балетного репертуара, требующий высокого, разностороннего мастерства, — дала очень сложные. Молодая балерина с честью вышла из трудного испытания.

Все мы считали, что Стручкова — актриса лирического плана. В роли Одедты-Одиллии раскрылись и другие стороны её замечательного деревенского характера. У Стручковой, талантливой и обаятельной юной балерины, есть и впереди.

Раиса Стручкова начала танцевать очень рано. Она была непременной участницей всех самодельных кружков в школе. На способную девочку обратили внимание, и вскоре она была зачислена в Хореографическое училище Большого театра, а в 1944 году принята в труппу театра.

Талант в сочетании с высокой техникой и трудолюбием привнесли молодой артистке большой и заслуженный успех. Она уже исполняет главные роли в балетах с «Цветущей предсторожностью», «Золушкой», «Бахчисарайским фонтаном», «Амстанком», «Ледяному вадиму».

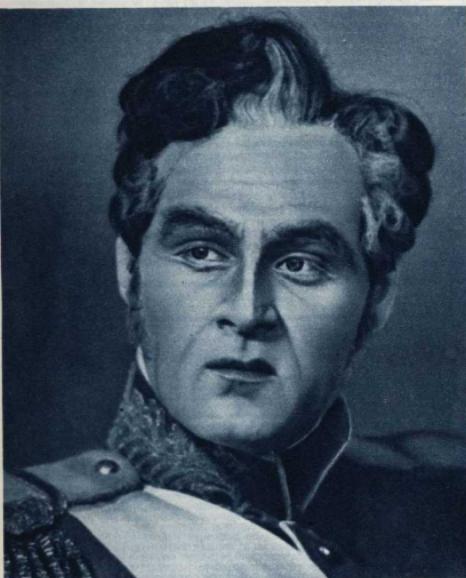
Ровесница Стручковой Майя Плисецкая — уже сложившаяся балерина. Её танец — это античность и антическая прелест и превосходная техника поэзии для сравнительного сопоставления. В её исполнении блестящие партии в таких спектаклях, как «Шалеути», «Раймонда», «Дон-Кихот», «Бахчисарайский фонтан», «Лебединое озеро», «Конёк-Горбунок».

В балете «Дон-Кихот» Плисецкая создала образ весёлой и темпераментной девушки Китры. Одно из лучших достижений Плисецкой — исполнение главной роли в классическом балете Глазунова «Раймонда». Её движения красны и естественны, в исполнении нет штампа и подражательства.

Но как бы ни были велики успехи молодых балерин, им нужно ещё многое, трудиться над совершенствованием своего мастерства. А для этого им предоставлены самые широкие возможности.

Радостно сознавать, что в стенах Большого театра, юбилей которого отмечает вся страна, выросло новое поколение молодых артистов, и, самое главное, ряды их непрерывно пополняются.

Г. УЛАНОВА,
лауреат Сталинской премии

Александр Огинцев в роли Гремина в опере «Евгений Онегин».
Фото Б. Игнатовича

ХУДОЖНИК В ТЕАТРЕ

Эскизы костюмов Григория и Аксиньи из оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» работы художника Ф. Федоровского.

Эскизы костюмов к опере М. Мусоргского «Хованщина» работы художника К. Коровина.

Эскизы декораций и 1-му акту оперы А. Даргомыжского «Руслан и Людмила» работы художника Ф. Федоровского.

— Расскажите, пожалуйста, читателям «Смены» о работе художника в Большом театре,— с этим вопросом обратился корреспондент «Смены» к заместителю главного художника Большого театра М. А. Петровскому. Ниже публикуем его ответ нашему корреспонденту.

Первый, кто зримо представляет себе будущий спектакль,— это театральный художник, и первое, что видят зритель на сцене,— работу художника. Художник — такой же равноправный творец и создатель спектакля, как и дирижёр и режиссёр.

Работа художника в спектакле начинается с момента, когда он, впервые прослушав музыкальную и драматургическую ткань произведения, приступает к глубокому изучению соответствующей эпохи, стиля, костюмов. Нередко художнику приходится для этого выезжать на место действия событий, знакомиться с историческими, музейными материалами или изучать жизнь того или иного советского села, города, заселка.

Замечательный художник Большого театра В. Б. Дмитриев сделал много интересных работ: «Гуслан и Людмила», «Лि�ковская даща», «Вранье сила», «Проданные невесты», «Пламя Парикма». Природы наделяли Дмитриева исклонительной музикальностью. Он с необычайной быстротой и тонкостью проникает в мысли и чувства героя произведений классических и современных композиторов. По несколько раз возвращаясь В. Б. Дмитриев к самым любимым и волновавшим его темам и всякий раз находил новые декоративные решения. Одно из лучшихтворений художника — его декорации к опере «Ликовая даща». Кто хоть раз видел её на сцене Большого театра, навсегда запомнит картину у Канавки: уходящий по диагонали в глубь сцены фасад Зимнего дворца, пустынную набережную, глухую ночь...

Хороши знавший специфику оперного театра, художник П. Вильямс создал прекрасные спектакли: опера «Евгений Онегин», «Иван Сусанин», балеты «Ромео и Джульетта», «Золотой век».

Неразрывно связана с Большим театром и имя художника Фёдора Фёдоровича Федоровского, великолепного знатока русской музыки, русской оперы. Созданные им оформление ряда спектаклей вошло в сокровищницу советской театрально-декорационной живописи.

...На сцене идёт опера М. Мусоргского «Хованщина». Медленно раздвигается занавес. Возникают первые звуки «Рассвета на Москве-реке». Зритель видит восход солнца. Вот засверкали высокие куполы Василия Блаженного, переливаются серебристыеМоскварека, становятся видны кремлевские стены, Спасские ворота, деревянные постройки Замоскворечья... Эта поэтическая картина восхода солнца над древней Москвой, погруженной в сумрачную мглу, как бы символизирует грядущую зарю над Россией.

Много и плодотворно работают на сцене Большого театра и такие выдающиеся мастера декоративного искусства, как народный художник А. Петровский, заслуженный деятель искусств Б. Волков, профессора М. Бобышев, М. Курилко и многие другие.

По ту сторону занавеса...

Над Москвой спустились сумерки. Занавес грязи фонами на подиумах улицах, столицах, вспыхнули разноцветные рекламы, замелькали огни автомобилей, автобусов, троллейбусов. За массивными колоннами Большого театра, за зданиями, склонившими головы, идет сирена. Голоса...

Отделанные золотом и красным бархатом стены и двери, занавешиваются артистами. Постепенно гаснут огни огромной хрустальной люстры. Короткий всплеск дарит яркую полочку — и вот в зале пыльный медленный, торжественно звучащий урдуль.

Окончилась первая картина оперы. Зрительный зал и сцена погружаются в темноту; пурпурные смеси дежурят. Носят эти, что делается в это время на сцене?

Да кулисам работают сотни людей, движутся многочисленные сложные механизмы. Здесь проложены десятки километров электрических и телефонных проводов, скрыты в специальных коробках, соединены в цепи и цепочки багретки механизмов и электриков. Еще на большом зале, в театре имеется лабиринт графен работ для каждого спектакля. Кацкад операции здесь расписан по буквам.

На технической базе крупнейшего русского театра, Здесь и мощные электротелебиблии, и телефоны, и радио, и точные приборы, и прожекторы...

На сценах потолок, на колоннах работают молодые машины Фёдор Комов и Виктор Кацкишин. За неисключимой перерывами между картинами машины должны поднять старые и опустить новые декорации. Их задача — это не только поднять занавесы, но и создать на сцене обстановку, которая будет большой скорости и точности. Достаточно полуподиум декорации опуститься на неисчислимые сантиметры ниже половенной, как на нём появятся грубые складки, «рамзинорные» полотнища

появляются в стороны, «зеревные» превратятся в инзорослый уродливый кустарник, и вся картина будет испорчена.

Перед машинистами различные рубильники, кнопки, небольшие приборы с циферблатами. Услышав сигнал ведущего режиссёра, Виктор Кацкишин, машина, на которой он работает, поднимает на сцену зелёную кнопку. Сирены в специальных помешанных коробках включают моторы арматуреблоки. Широкое полотно декорации начинает опускаться. И тогда циркулярный блок берет вторую стрелку. Когда обе они совместятся, работают автоматические приборы, поднимают на сцену машины, назначенные ей местом. Такие приборы помогают точно регулировать высоту подъёма и спуска декорации. Это особенно важно, когда машины проходят под потолком театра.

Антигр. Когда зрители, окончательно перегоревшие, заполняют великолепные залы театра, на сцене, закрытой золотистым занавесом, кипят напряженная работа. Через большие двери вносят бутафорию, опускают антигр. Опоры, обрамляющие сцену, поднимают на сцену машины, подают блоком проконтролированный на маленькой телекоме, из-за кулис, позывной. Все это делают машины. Установка сцен, для которых машины подают подиумы соединяет его проводом с одним из штепселей. Неподалеку работает ёд подиум, комсомолка Роза Панкратова. Сейчас она вставляет цветные стёкла в отверстия.

Образ душевнеделанных начали работать в Большом театре учениками. Начавшие кацкад из них ишли в наименее рабочего халата листов бумаги, на которых было написано, в каком порядке и какие фонари и промежуточные установки должны быть на сцене. Там подиумы выплюгивают сложные и ответственные задания без «шпаргалки».

Во время антракта становятся окантованы и в артистических уборных. Антракты поступают в распоряжение гриффом и парикмахером. У народного артиста А. С. Прокофьева во время действия отстегиваются края бороды, её нужно успеть поправить, а звонко подчинить и весь гимн. На сцене нет

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Гениальные творения Глинки, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Глазунова и других русских и зарубежных композиторов, лучшие произведения советских композиторов нашли свое воплощение в творчестве артистов, музыкантов, режиссеров, балетмейстеров и художников Большого театра.

Партия и правительство отметили лучшие спектакли Большого театра присуждением Сталинских премий. Среди них такие совершенные образы русского реалистического оперного искусства, как «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, «Черевички» и «Мазепа» Чайковского, «Садко» Римского-Корсакова, «Вражьи сила» Серова, и жемчужины западной классики — «Вильгельм Телль» Rossini и «Проделки Фигаро» Саломони.

Балетмейстеры Большого театра «Красный маяк» Р. М. Ганзера, «Пламя Паризия» Б. Асафьева, «Золушка» и «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева также отмечены Сталинскими премиями.

Замечательные русские дирижёры, режиссеры, артисты и художники раскрыли свои таланты в работе над этими произведениями. Неутомимый пропагандист русской музыки главный дирижёр Большого театра Николай Семёнович Голованов, дирижёры А. Ш. Мелик-Пашев, В. В. Небольсин, Ю. Ф. Файер, молодой дирижёр К. П. Кондрашин, режиссер Л. В. Баратов, художники Ф. Ф. Федоровский, П. Вильямс, В. В. Дмитриев, балетмейстер Л. М. Лавровский заслужили высокие награды за участие в создании всех этих спектаклей.

Имя великой русской артистки Антонины Васильевны Неждановой стоит во главе списка лауреатов — превосходных представителей советского оперного искусства.

Такие известные артисты, как И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, М. Д. Михалов, М. О. Резин, А. С. Пирогов, В. В. Барсова, М. П. Максакова, и многие другие создали целую галерею прекрасных музыкальных образов, каждый из которых заслужил специального исследования. Среди наших лауреатов и таких выдающихся артистов, как А. Д. Давыдов, Н. Д. Шильдер, Е. И. Антонова, Е. Д. Кругликова, Е. В. Шумская, Н. С. Ханеев, А. И. Батурина, В. Н. Лубенникова, П. М. Норин, А. П. Иванов, и талантливая молодёжь: Л. М. Масленникова, В. Борисенко, Н. Покровская, Е. Шумилова, И. Петров, А. Огинцева, А. Кривцова, обещающие вырасти в достойную смену спиков старшего поколения.

Второе звание лауреата Сталинской премии удостоены и многие артисты балета. Первым среди них идет знаменитая русская артистка Екатерина Васильевна Гельцер, награждённая премией за свою выдающуюся хореографическую деятельность. Так же как Нежданова и Шляпкин в опере, Гельцер всю свою жизнь высоко несла самые лучшие, прогрессивные традиции русского реалистического искусства в балете. Многие артисты старшего и среднего поколения с глубокой благодарностью вспоминали эти передовые традиции отечественного искусства, совершенствуя и дальние их разиня. Такова В. Критеев, В. Смольянин, А. Мессерер, М. Габович, М. Семёнова, А. Ермолаев, Г. Уланова, С. Мессерер, О. Лепешинская, С. Корень, В. Преображенская.

Самые молодые лауреаты нашей балетной труппы — С. Головин, И. Тихомирова и Ю. Кондратов. Всех их объединяет высокое мастерство техники классического танца.

Высокие награды, полученные лучшими деятелями Большого театра, свидетельствуют о высоком уровне советского оперного и балетного искусства.

Р. ЗАХАРОВ,

заслуженный деятель искусств,
лауреат Сталинской премии

мелочей. Плохо выстроенный парик или нервничающий носком могут испортить игру самого хорошего актёра. Но почему уже на несколько часов до начала спектакля портные тщательно гладят костюмы, парикмахеры зализывают парики и усы, гимнасты приводят в порядок ноги? Потому что это — это же! спектакли М. Смирнова и А. С. Пирогова. Ведущий режиссёр спектакля Е. С. Смирнова, генеральный пульт управления. Отсюда тянутся провода во все углы огромного театра. На щитах ряды разноцветных лампочек, кнопок, красных индикаторов. Ведущий режиссёр спектакля М. Смирнова и А. С. Пирогова. Всех служебных помещений раздаются громкие звонки. Поворот одного из красных выключателей — и на щите загорается красный сигнал. В коридорах вспыхивают светильники, на стенах — красочные изображения на тематических уборных, комнатах отдыха, коридорах, слышатся команды режиссёров:

— Внимание! Начинается третья картина!

— На сцене тёмные неёльи, будто бы вспыхнули. В мрачном освещении пылает костёр. Пирогов и Годунов тщесно мерцают маленькая лампадка: во время антракта в отрыватели вставили скрипку. Слышится хор монахов за скрипкой. Напряженный свирель, вспышка пыли на Григория. Медленно, замедленно, — вспыхивает свет на сцене.

Если бы не эти мелочи, выразительность выразительности на «номинированном пункте» он спрятал в трилом под скрипкой, и скверхи видели только небольшую раковину смотрового окна. Но скрипка вспыхнула там, где не должна была бы гореть. Их узмы прорезали небольшие ручки, которым вспыхнуло многочисленным прожекторами, софиты и память отрывателей.

Во время антракта в третьем пункте освещения всё и то дело раздвигают ведущего режиссёра. Тогда освещители быстро передвигают рукоятки. Поднимаясь им, огромная сцена погружается в темноту ночи, то засверкает ярким синеватым светом. Тогда освещители быстро передвигают рукоятки. Поднимаясь им, огромная сцена погружается в темноту ночи, то засверкает ярким синеватым светом.

В «регуляторах» будто трудится старший бригадир освещителей А. Смирнов и помощник заведующего освещительным цехом А. Мельни-

Сцена из балета «Пламя Паризия» Б. Асафьева.

Фото А. Гаранина

нов. Скоро оба они будут праздновать 20-летний юбилей своей работы в Большом театре. За эти годы старейшие освещители театра научились, не заглядывая в спектратору света, на память управлять освещением любого спектакля. Всё это — это же! спектакли М. Смирнова и А. С. Пирогова. Через несолько секунд на сцене должно стать светлее. Передвижку не сколько рябчиков на барабане. А. Мельников нажимает кнопку. Сдвигнув мешки с пеской, он приводит в действие сложную систему регулятора освещения. В этот же момент на рампе, в ложах и кулисах загораются новые прожекторы. Тогда...

Одна за другой меняются картины. На сцене появляется корчма на ликовской границе, фонтан, царский терем в Кремле. За кулисами разворачиваются передающие то трагическое, то комическое, то комичное, то комичное. Работа со сценой изредка прерывает ведущий режиссёр спектакля:

— Внимание! Начинается четвёртое действие!

— Участники картины «Под Кромом» прошу на сцену!

— Спектакль окончен. Под грохот аллюзий опускается занавес. Занавес опускается, и сцена становится темной, пустой, пустыней. Работа чекулающих прекращается в народном артисте СССР А. С. Пирогова, народном артисте И. С. Козловского.

Уже утро, зарились звезды. Громоздкие грузовины приводят со склада скатанные в большие рулоны демонстрационные занавесы. Работа узмы. Узмы вспыхивают, вспыхивают, вспыхивают, вспыхивают. Тогда освещители на автомобиле и отправляются на склад.

до следующего представления.

В. РАЗИН

Ю. ФАЙЕР,

народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии

ИСКУССТВО РАДОСТИ

Мне посчастливилось проработать в Большом театре тридцать пять лет, быть участником огромного количества спектаклей, быть очевидцем рождения и развития советского балета, его дарования. В моей памяти много ярких, ярчайших моментов, когда я видел радость, когда украшавшие сцену Большого театра.

Никогда не забудется вдохновенный талант знаменитого русского балетмейстера Александра Горского — реформатора балета, смелого художника-реалиста, искавшего новые пути развития хореографии. Горский всю свою жизнь творил для народа, а после революции с особенной любовью находил новые формы балетного творчества, близкие новому зрителю, пришедшему в театр. «Демократизация хореографии возможна!» — писал он в 1918 году, предвидя огромное будущее молодого советского балета. И помимо, как забывало работать он с балетной молодёжью. Воспитанники его ученики — настоящие балетные артисты, вместе со всем балетом бережно хранили его традиции. Это А. Абрамова, В. Смычков, Н. Подгорецкая, К. Кудрявцева, Н. Тарасов, А. Банк, И. Монсеев, В. Цапалин, М. Габович, В. Кригер.

Незабываемы образы, созданные прославленными Е. Гальцер и В. Тихомировыми. Эпоха наивысшего подъёма их сценической деятельности ознаменована созданием ролей, вошедших в историю русского балета. Дочь балетмейстера, воспитанница московской балетной школы, Гальцер связала всю свою творческую жизнь с Большой театрой. На этой же сцене она выделилась в её напечатанной Страннице в «Копелеве», отголоски которой звучат в «Дон-Кихоте», прогатской и трагической «Эсмеральде» в одноимённом балете.

Значительным, глубоким, в то же время пластически совершенным было творчество Тихомирова, особенно его незабываемый Корсар. Тихомиров счастливо сочетал в себе качества артиста, балетмейстера и вдумчивого педагога.

Московская балетная труппа всегда была богата талантами, но далеко не всегда талантливые артисты получали возможность для творческого развития. Репертуар балету диктовали чиновники из конторы Императорского театра.

Только после революции начавшая подлинный расцвет балетного искусства. Большой театр стал народным достоянием и широко распахнул свои двери навстречу новому зрителю.

Этот зрителю пришёл как друг, как чуткий ценитель всего прекрасного. Пусть холодно было тогда в великолепном пурпурном зале (танцовщицы, выбегая на сцену в таралантовых пачках, сбрасывали за кудыками шубы), но им, им зрителям во время спектаклей не замечали холода. На сцене были племенные Испания, в которой жил мечтатель Ди-Кихот, забытый король Альбрехт. Одна из самых самоотверженных любви превращалась в жизнерадостную девушку, отважный Щелкунчик побивал войска мышного царя...

Показанный в 1927 году балет «Красный мак» был подлинно революционным событием в хореографии. На сцене действовали современные люди: советский кавалер, матросы, рабочие, инженеры. Сюжет балета, «Красного мака» способствовал простоты, мелодичной, искренней музыки Р. Глиэра. Зрители горячо приняли первый советский балет.

Большим событием была и премьера спектакля «Пламя Парижа». Музыка балета написана Б. Асафьевым, использовавшим для этого целый знаменитые песни, созданные французской революцией.

Велика роль в создании «Пушкинином» одного из крупнейших наших балетмейстеров, Р. Захарова, работавшего над этим циклом вместе с Асафьевым и Глазером.

Первые попытки показать на сцене советскую действительность были сделаны и в прелестном детском балете «Аистёнок». Известны и первые спектакли с современными танцовщиками балетмейстерами А. Родзинским, Н. Полко и А. Постухиним. Пусть эти спектакли ещё не были совершенны, но они были первыми вехами на пути к созданию на балетной сцене нашего современного — советского человека, строителя коммунизма.

Год от года, от спектакля к спектаклю расстёт балетный коллектива, расстёт творчески, идеино-, политически. Его мастера не престанно учатся, совершенствуют свои знания, изучают творения классиков марксизма-ленинизма. Это помогает им правдиво и верно творить в спектаклях.

В дни войны часть труппы, находящаяся в

эвакуации, поставила балет В. Юровского «Алые паруса», а в Москве подвергнувшись варварским воздушным налётом, наши товарищи начали знаменитый сезон в финале, и новый альпийский адажио из «Лебединого озера» превратилось сигналом воздушной тревоги.

Созданные за последние годы выдающиеся балетмейстером — режиссёром А. Лавровским балеты «Ромео и Джульетта» и новая редакция «Красного мака» — значительные этапы в истории советского балета: свидетельство его возрастающей творческой активности.

Мне, как музыканту, необычайно дорого то бережное, можно сказать, благоговейное отношение, с которым относится наш театр к мемуарам русской музыкальной культуры — балетам Чайковского и Галузиной. Горято любимые зрителями, они являются вершиной мастерства для музыкантов и исполнителей, заветной мечтой каждого танцовщика и танцовщицы. Я в нетерпении жду возобновления изящнейшего балета Чайковского «Спящая красавица»!

За долгие годы работы в Большом театре я продиржила пребывающую в шестьдесятые годы балетами. В каждом из них передовой прошёл по много исполнителей. Сколько изумительных, ярких талантов давал искусству эта сцена!

Весь балет гордится именами М. Семёновой, Г. Улановой, О. Лепешинской, танцовщиц, соединивших в себе красоту и античность с выразительной техникой. Широко популярна у зрителя крупицей мастера танца С. Мессерс, С. Головинки, А. Мессер, А. Ермолова, М. Габович, В. Прорубанинским, Е. Чиквайде и другие. Ответственные партии успешно исполняют молодые одарённые танцовщицы Н. Чорова и И. Тихомирова. С неизменным успехом выступает талантливая молодёжь, для которой близко и наследие русской классической хореографии и то новое, сознание думам о стремлении советских людей, что несёт в себе балета над современным балетом.

Каждый салютует зрительном зале овациями нашим молодым танцовщицам М. Панченко и Р. Стручковой, я от всего сердца радуюсь их успеху. Многое обещает Ю. Жданов, интересно следящий к московскому смуту от молодёжи партии Евгения в «Медном всаднике». Успешно дебютировала на сцене Большого театра очень одарённый выпускник балетной школы П. Андрианов. В этом году оканчивает школу плеяды превосходных танцовщиков и танцовщиц: А. Богомолова, Н. Фёдорова, Б. Хохлов, И. Кусинскую, Гарифзянову. Это новое поколение балетной труппы; перед ними открыты все дороги к большому и радостному творчеству.

Большая часть для дирижёра — работать с оркестром нашей театра. Этот исключительный по исполнительскому совершенству коллектива состоит из первоклассных музыкантов-виртуозов, известных не только в Советском Союзе, но и далеко за пределами нашей страны.

Артисты балета ГАБТ, участвовавшие во Всемирном фестивале демократической молодёжи и студентов в Будапеште. В центре — дирижёр театра народный артист Республики Ю. Файер.

Фото Е. Умнова

М. Плисецкая [Одиссея] и В. Пресвображенский [Принц] в балете П. Чайковского
«Лебединое озеро».

Разлив слитков в плавильном цехе Уральмашзавода. Разлив ведут бригада опытного кастора Я. Жемчугова.

ВЕСНА НА ДОНЕ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

...Мы поднялись на гребень холма. Внизу на многие десятки километров раскинулось строительство Цимлянского гидроузла, являющееся только частью Волго-Донской системы.

Над Доном стояла весна. Но здесь она была не похожа на другие весны. На громадном пространстве от Сталинграда до Калача-на-Дону и оттуда через станции Цимлянскую, Задоно-Кагальницкую до самого Азовского моря развернута великая стройка. Между Волгой и Доном пролегла тесно, соединительного канала с многочисленными плоскими, пристанями, с заградительными воротами, акваториями посёлками эксплуатационников по берегам.

Несколько в пойме Дона; от Калача до самой Цимлы — на всём этом пространстве протяжением более двухсот километров — идёт пересечение станиц, вырубка леса: люди готовят дно будущего Цимлянского моря, прокладываются каналы для орошения колхозной земли.

Мой спутник Сергей Владимирович Полляк, заместитель главного инженера строительства, стоял на гребне холма, не двигаясь. Отсюда, с пригорка, хорошо была видна строительная площадка гидроузла: ажурная вязь арматуры, огромные, похожие на сильосные башни корпуса бетонных заводов, неясные очертания магистрального канала, уходящего в степь.

Сергей Владимирович неторопливо идёт по взгорью, обходя небольшие тесовые будочки. Будочки стоят одна возле другой и опускаются, как котлованы. В будках насосы глубинного вододостава. Дно котлована, на котором ведутся бетонные работы, находится ниже уровня грунтовых вод, и эти насосы, как сторожи, непускают воду в котлован. Инженер идёт медленно, показывая то на один, то на другой объект.

— С длинными трубами — это энерговозезд, на эстакаде — порталные краны, и вот твой котлован — бульдозеры. — Вдруг остановившись, он добавил: — А вот наше нововведение.

Это были круглые электрические, ничем не примечательные часы. Даже стёбл, на котором они висели, был обыкновенным телеграфным столбом. Но должно быть, в этих часах было что-то необыкновенное, если инженер их так величит. Сергей Владимирович тут же объяснил, в чём дело.

На пригорке Цимлянского гидроузла каждый день прибывает не одна сотня вагонов груза. Летом стройка будет принимать ещё больше грузов, материалов и оборудования.

— Страна даёт всё, что нам нужно, — говорит Сергей Владимирович. — Всё, кроме излишнего времени.

Времени мало. Нынешней стоять огромная стройка не может позволить даже такая спешка. Уже в 1952 году строители должны слать в эксплуатацию Цимлянский гидроузел и дать воду двумстам тысяч гектаров земли. Нужно, чтобы стройка жила одним ритмом, одним дыханием. Вот почему все объекты строительства часофизированы. Электрические часы всегда видны на строительной площадке: в кабинете начальника стройки, в котловане, в диспетчерской бетонного завода, у экскаваторщика. Все работы ведутся строго по графику, по электрическим часам.

Коши спущены к подножью забоя, экскаватор вонзает зубья в грунт и медленно ведёт коши вперёд по стекне, срезая толстый слой слежавшегося грунта. Кажется, коши уже полон, но он не отрывается от стеки.

— За рячагами, Евгений Симак, — сказал инженер, хотя экскаватор был ещё далеко. — Видите, какая шапка?

«Шапка» — это грунт, который возвышается над стенками громадного трёхкубового ковша. Легко повернуть машину, Симак остановил ковш над самовспом, приоткрыл днище и стал медленно поднимать весь ковш вперёд. Земля мягко легла в кузов машины, заполнив его до краёв. Одни взмахи ковша — и полностью загружены вспомывущий автосамосвал Минского завода. Одним ковшом — самосвал.

Чтобы не загружать стройку, машины Симака вспомывают, выбираются по круглому склону. Некоторые шарфёры сидят на излучине преодолевать этот подъём, на пасть коши приходит трактор-бульдозер, который всё время дежурит у экскаватора. Вот и сейчас он, упервшись туннельным рулём в задний борт машины, что есть силы толкает её вперёд; залывая мотором, самосвал медленно подъёт вперёд по склону. Достигнув гребня, машина резко отдаётся от своего «помощника» и на высокой скорости спешит к отвалу. А трактор тем временем спускается

Шагающий экскаватор на строительстве Цимлянской ГЭС.

вниз, чтобы заняться своими прямыми обязанностями — планированием подъездных дорог.

В кабине экскаватора — Евгений Симак, молодой парень со спортивными русыми бровями и добрым открытым лицом, и начальник участка Григорий Николаевич Адесев.

— Вопрос иссен: нужен добавочный транспорт, — говорит Евгений, пристально глядя на плывущий к кузову ковш. Машинист некогда даже заснул на собеседовании, когда его спросили о работе.

— Евгений Петрович, укоризненно говорит Адесев, — вы и так покончили автопарка с своему «уральцу» забрали!

Симак не отвечает.

— Сколько нужно? — наконец примирительно спрашивает Адесев.

— Три самосвала. Пока три.

Так всё время. Евгений Симак работает на машине, норма выработки которой 1 200 кубометров за смену. Сицали Симак перекрыл норму выработки в полтора раза, потом подобрался к двум тысячам, а затем выбросил больше трёх тысяч кубометров грунта за смену. И это в трудных зимних условиях! «Козырь», верхний слой смёрзшегося грунта, обдавали паром, прогревали электричеством, раскладывали на нём бобовые костры. Но грунт был так плотен, что даже после прогрева старые зубья ковша ломались. Тогда Симак предложил взорвать старые грунты и после этого всё же дал три тысячи кубометров за смену.

Гурий Сихарулладзе стоит за большим, похожим на ровиль, пультом управления электрического бетонного завода. Возле телефона лежит четырногая бумага, куда Гурий время от времени заглядывает. Это рецепт нового сорта бетона. Благодаря на бумагу, короткое движение руками — и пульте повернут один из многочисленных рычажков. Тут же вспыхивает зелёная сигнальная лампочка. Сперва, из бункера, гауптиштук ссыпает бетон. Сигналы зелёные, красные, звуковые: в бетономешалку его загружено ровно столько, сколько потребуется по рецепту. Вот пойдёт другой рычажок, — грохот по голым стенкам воронки, в бетономешалку идёт шебень. Автоматика везде: автоматически открываются затворы, через которые загружаются сырые материалы, автоматически включаются электромоторы, вращающие громадные груши бетономешалок, и груши эти, как только замес готов, автоматически же поворачиваются горловиной вниз, и бетон вываливается

Великие стройки
КОММУНИЗМА

вается в нижний бункер. Здесь его подхватывают транспортёры и мчат по галерее к автомашинам, которые вереницей подходят к заводу.

— Идёт бетон! — улыбается Гурий.

Сихаруллаид, несмотря на свою молодость, — опытный оператор. Он хорошо чувствует ход машины, глаз его моментально схватывает машины неправильности. Плохо идёт песок — оператор уже сообщил диспетчеру. Гурий по телефону вызвал сменившего механика. И вот он входит в дозировочное отделение, сменил механика Алеша Кудришов. Рядом с ним Иван Ефимович, дежурный слесарь. Они в полминуты наложили на бетоноподавляющую машину фильтр воздуха, и снова из бункеровсыпается песчаная смесь кипятка работ.

Большинство рабочих завода — молодёжь, только вступающая в жизнь. Не удивительно поэтому, что здесь все учатся.

— Лучше знания — крепче бетон! — сказал как-то из собрания комсогор бетонного завода Алеша Кудришов.

Молодые рабочие не изменяют своему слову. Гурий не расстается с объёмистой книгой «Электрические машины», Алеша Кудришов изучает теоретическую механику. Совсем недавно слесарь Илья姆 Халилов взялся за изучение электротехники, а сейчас уже свободно читает сложную электрическую схему моторов, разбирается в автоматике. В учёбе ему охотно помогают комсомолец Виталий Панов.

Всёлившееся это чудо-завод, но ещё лучше люди, управляющие им!

• • •

Машина идёт вниз по Донскому зданию. Мы уже проехали котлован, мигновенны плоскости. Стойка осталась позади.

Последние три дня для холмистый и сильный восточный ветер. Вокруг ни деревца, ни кустика... Только где-нибудь в небольшой балке увидишь арохтонные остривки тёрна или изнокорослого кустарника с лаковым извлечением «сизбирей». Но скоро Прайдона, обводнённое и орошённое, изменит свой вид. На этих угрюмых землях вырастут хлопчатник и пшеница, рис и виноград. По Волго-Донскому каналу пройдут первые пароходы.

Иван Алексеевич Черниловых, в прошлом комсомольский работник, а сейчас заместитель председателя Романовского районного комитета, принимает посетителей. Невысокая девушка — ей зовут Лина Терская — просит помочь транспортом для вывозки леса.

— Какой лес? — спрашивает Черниловых.

— Как — какой? — Со дна моря, — говорит Лина, не задумываясь, хотя, разумеется, нет ещё ни моря, ни плотов. Девушка волнуется, торопится сказать всё, о чём она думала в дороге: о том, как их колхоз перебрался из зоны затопления, и как устроились на новом месте, и как трудно вывозить лес, который остался в побайне Дона.

Лина смеется главным агрономом района. Только в одном Романовском районе уже в будущем году будет орошена 31 тысяча гектаров. Агрономы спешато с семенами, посыпают участковых агрономов на курсы, чтобы они научились агротехнику возделывания риса и хлопчатника, новых для района культур.

Тому, что будет, удивляются и агроном, и Лина Терская, и все, сидящие в кабинете, но больше всех, пожалуй, удивляется сам Иван Алексеевич Черниловых, человек живой, энергичный, увлекающийся.

— А корюха три тысячи гектаров риса!

Будущее Романовского района, района сплошной электрификации, района рекордных урожаев пшеницы и хлопка, риса и овощей, привлекательно и прекрасно.

Дверь широко открылась, и в комнату внесли много коричневых, синих, голубых книг.

— Книги счастия, — сказала Черниловых.

Это проекты новых белых, казачьих станций, пристани, которые вырастут по берегам магистральных каналов, на побережье Чималинского моря. Но это не только проекты. На кутре Потапов уже строится школа-десантника, возведутся новые колхозные дома, сажаются деревья. На глахах меняется кутур Грачевки, Солёный, станицы Задоново-Кагальницкая, Романовская. В Придонье рождается будущий, 1952 год колхозной деревни.

• • •

Мы снова на стройке. Прорывной дизельный экскаватор, перебрасывающей щебень, проходит ковшом, ревёт мотором.

— Шумная машина, — говорит С. В. Полляк. — Вы заметили, как тихо во время работы у электрического экскаватора?

Как далеко шагнула национальная отечественная строительная техника! Землине, бетонные и другие работы производятся электрическими снарядами. На электротягце работают подъёмные краны и деревообделочные станки, экскаваторы и бетонные заводы. Строительные площадки Чималинского гидроузла потребуют в восемь раз больше электроэнергии, чем потреблялось при сооружении Днепрогэса.

— Как же это машина — электрический земснаряд! — Сергей Владимирович рассказывает о том, как горит на трубы пульта — смесь воды с песком — для наливки плотины.

Волнуясь, инженер продолжает говорить о том, что будет здесь, на Дону, когда широкую побой реки расечёт стремительно вынутая линия плотины, о том, как преобразуются стены в блоки на ближайший год — два. Он говорит о новых колхозах, об электрических тракторах, о новом величии советской деревни.

И сейчас, слушая Сергея Владимировича Полляка, я вспомнил, что с такой же страстью говорили о своих делах, о стройке, о машинах и Михайлова, и Симак, и светловолосый смоленский комсомолец Алеша Кудришов. Думал о этих людях, понимаешь, что их большую привязанность к машинам, стройке питает громадная любовь к советским людям, к Родине, к Стalinу. Во имя этой великой любви строители преодолевали и преодолеют любые трудности, стоящие на их пути.

Лев ЛУБНИН

НОЧЬЮ

Рассказ

Сения спустилась с крутого обрывка, села на песок и стала надевать резиновые сапоги с длинными голенищами.

Только что кончилась весенняя половодье. На красноватых корнях ивы, на влажном песке река оставила тёмную щепу, сучки, прошлогоднюю траву, склоненную глинистой, и, освободившись от мусора, вспыхнула в берега.

Под обрывом ёщё лежала грязная ноздревата лыдка, а на соленцевёже уже проглядывала острая молодая травка.

За кустами, слегка тронутыми зелёной пеной, посыпалась лошадь.

Филипп Петрович сидел на телеге и давал Антону, высокому широкоплечему парню, последние наставления:

— Первое дело, Антон, запань проверь. Смотри, чтобы не порвало, когда лесо поднимай.

— Да уж будьте спокойны. Филипп Петрович. Я-то не подкачиваю, бойкой скороголовкой отнесу. Антон, снимай с телеги два барана, потом, вздохнув, наспешиво продолжал, николко не опасаясь умереть в свой глупый голос — Ты, Антон, знаешь, погонишика не подсунувай... Недомерок какой-то. Ипп, в сапогах потону!

Услышав это, Сения покраснела и взглянула на ноги. Действительно, голенища сапог, привязанные ремешками к поясу, были очень длинны, собирались гармошкой до самой ступни и свободно болтались на ногах.

«И чего насменишься, чего залысишь?» — подумала она.

— Ты, Антон, это бросы... — ответил ему Филипп Петрович. — Зря парня обижашь. Ты ёщё не знаешь его. Это ничего, что он барга в руках не держа, зато сознательный! Сам вызвался. Ну кого я тебе могу дать? Ведь знаешь: все ребята под Коршуновых затор разбирают. Там теперь такое делается — беда! Глаз да газы нуки!

Он замолчал, потом несколько раз почмокал губами, раскуривая трубку, и вздохнул:

— Да, брат, deal. Я было совсем наладился ночью до станции податься к московскому поезду... с дочкой встретиться.

Неужели Степа прижмажает? — быстро спросил Антон, и голос его стал теплее, звонче.

— Да нет, она там в какую-то экспедицию на Дальний Восток едет, в гроверовку что ли. Так вот, проездом хотел свидеться.

Да интересно бы Степу теперь повидать... медленно проговорил Антон. — Класс-то она стала.

Приспускавшись к голенищам, Сения подогнула длинные рукава жёсткой, как кора, куртки и, скрывающую синяк о ledge, осторожно перебралась во внутренний карман пиджака белый конверт.

«Тоже мне, Степаша интересуется... — подумал он и улыбнулся. — Хоть ты и красивый, Антон, а письма-то Степа не тебе пишет».

Филипп Петрович встал, подошёл, к задку телеги, разворочила сено и протянул Антону корзинку, обвязанную голубыми плаятком.

— Нате-ка, ребята, взьмите! Жена для Степи гостиничных пакетов. Пироги, то есть.

— Чем ты, Филипп Петрович! У нас продовольственное снабжение неплохо поставлено... Значит, вы не поедете к поезду? Как же так? Выходит Степеня из вагона на родной станции — и никого!

— Да, Антона, так вот и получается с этим затормоз. Забий корзинку-то... Смотрите, ребята, — повысил он голос, — не зевайте! Не допускайте, чтобы брёвна у запада склонялись.

Филипп Петрович помахал рукой и поехал по дороге на Коршуновку.

Антон спустился к реке, бросил на песок багры и брезентовый полог, а корзинку осторожно поставила на камни. Потом он распахнул на груди куртку и встал перед Сенией, черноволосым, смуглым. Его гимнастические глаза смотрели насмешливо.

— Ну, давай, избач, палатку ставь! Это дело тебе сподручней, измерившее, будет, а я за палатки пройду.

Бывшая колышика, Сения обиженно поджимала губы и морщила выпуклый лоб. «И что он гордится? Если не будет показывать, сам научусь!»

Поставив палатку, Сения взяла тяжёлый багор и примерилась. Вечером. Спокойная вода под берегом отлавывала жёлтым блеском. А на быстрище, как осколки битого стекла под лучами солнца, оселитяно вспыхивали мелкие стружки.

Антон постучался топором, что-то призывая в конце запада, у мыса, отдаленного реку от старого русла. Запад отгораживала старчиха, которая широким озером уходила в лес и не имела выхода. Esta даминка первым из узких плютиков в два бревна, связанных стальным канатом, мешала брёвнам проскальзывать в озеро и направляла их на стражу, к перекату.

Антон, засунув топор за ремень, пробежал по качающимся брёвнам, легко перепрыгивая с одного плютика на другой.

— Ну, я костёр зажгу, — сказал он, выскочив на берег, — а ты иди, спробуй. Может, пригодишься!

С багром в руках Сеня ступил на западн. Ноги нетерпко стояли на скользких брёвнах, при каждом шаге голенища скользили друг о друга.

— Эй, кот в сапогах, не видишь! — вдруг крикнул Антон.

Сеня обернулся на крик и чуть было не потерял равновесие. Антон засмеялся. Этот смех заставил Сеня забыть о сапогах, о двух скользких брёвнах под ногами. Он увидел, что на другом конце, почтно у мыса, в западн. уткнулась три бревна. Озывшись, Сеня пошёл свободнее и даже перепрыгнула с одного пластика на другой. Он подтолкнул брёвна к перекату и остался на мысе, а не пошёл к плаватке.

Брёвна шли очень редко, по одиночке. В спокойной воде они плавали солидно, словно по добрею воде вышли на прогулку и теперь выбирали место, где остановиться да немного подремать.

Сеня изредка поднималась, проходила по западн., проталкивала брёвна и снова возвращалась на мысок. Он не заметил, как закатилось солнце, поблекли краски, потом выдалась тёмный гребень десантного корабля на берегу.

— Э-эй, Сеня! — крикнул Антон, и берега повторили: «...еня-ка».

У костра на белом полотенце были разложены лайца, куски варёного мяса, хлеб, столовая мисочка со сметаной, но не было ни маковки, ни чёрных пирогов.

Антон подождал на сосновых ветках, опирясь на руку.

«Задумался. Ну и хорошо. Хоть не привыкаться», — подумал Сеня. Он ел мясо и прислушивался к потрескиванию горящих дров, к бормотанию закипающей воды в котелке. Было темно и тихо. Пролетела над костром какая-то птица. Раздался гудок паровоза, и звук пронёсся над рекой так громко, будто станция была рядом, где-то на горке, за деревьями.

Антон вздрогнул.

— Пять километров, а как сашыш... Наверное, товарный пропал, — сказал он и опять задумался. С реки посыпалась глахой влажный стук: это бревно tolkнуло в западн.

Положил облученное лайцо на полотенце. Сеня потянула за багром.

— Подожди, — остановил его Антон, — скажи-ка, сколько времени?

— Десять минут одиннадцатого.

— Вот что, Сеня. Антон покачалась, взъероши волосы и решительным движением застегнул куртку. — Ты, я вижу, уже прыгом масть к напому делу. Знаешь, останься тут без меня чакни на полотра. Я на станции сбегаю.

— Что? А я не справляюсь?

— Справишься! С отдельными бревнямиками двоим и делать ничего. Да ты не боися! Я в одиннадцатого ялюсь, как часы.

— Нет, я не согласен!

— Да я Стеше домашние гостины отнесу. Понимаешь, ей приятно будет!

— И только-то? Ну, знаешь, из-за этой мелочи нельзя делом рисковать!

— Только, только! — передразнил Антон. — Если хочешь знать, у меня с кий серебряным разговор будет. С прошлого года остался, когда она ни канникулы прижевала.

Сеня заволновалась. Он хотел ответить, что Стеша сама заранее написала ему и просила прийти к поезду, что, если бы не этот затоны, на крайний пух над людях, он бы уже давно ждал на станции. Много хотел сказать Семён, но сдержался и только покачала головой.

— Нет, не согласен!

— Да на тебе! Ты в нашем деле ничего не понимаешь — вот и трясишись. Я бригадир, я и отвечаю. Говорю, оставься, и всё!

Антон быстро повернулся, схватил куртку и исчез в темноте.

— Уходишь? — крикнула Сеня и услышала затихающий треск головы.

Сеня постона, опустила руки, потом трахнула головой и пошла к реке. У воды было немного света, и, когда газы привыкли к подумам, он увидел, что у западн. остановилось много брёвен. Он толкал их, выходила на течение с одного конца, а на середине западн. скапливались новые.

Из-за деревьев выпалла луна, и Сеня увидела, что теперь лес шёл по всем реке сплошным потоком.

На реке брёвна догоняли друг друга, сталкивались, иногда от удара подбрасывали над водой толстый конец и наклонялись торча, пока скоба не скривилась.

Покрытый лётом, он метился по западн., стараясь протолкнуть ближайшие стволы, и не видел, что на перекате, у самой гравии, несколько брёвен легло на дно, прижмев накатившимися сверху.

Когда Сеня заметила образованную преграду, за ней остановилась длинная вереница покрытых пеной стволов.

Он вытинался с берега, хотел подцепить багром нижнее бревно, но не щёст окказался коротким. Сеня сделала ещё шаг и поскользнулась. Его нога попала между брёвнами. Он закричала, вытинала ногу, но вдруг кто-то крепко схватил его за куртку и с силой выдернул из берега.

Перед ним стоял Антон.

— Чего, ногу повредил? — кричал он, растирая верхнюю брёвна.

— Ничего, нога в порядке.

Особянин осенился стволами от верхних, Антон погрузил багор, кинувши всем телом в сторону, и вся вереница брёвен тронулась с места, поплыла.

— Вот, Сеня, как действовать надо! — весело крикнул он. — Если нога в порядке, ступай на тот конец. Мы их живо растолкаем. — Потом помочал и сказала смущенно: — Ты прости, Сеня, что я над тобой подшутила. Никуда я уходить не собираюсь. Побегаю по лесу — остыло немножко...

Прихрамывая, Сеня пошла за западн. и вдруг громко засмеялась:

— А пироги?

— Да на их, пироги, в самом деле! — кричал Антон, приложив руку ко рту. — Утром отпобруем!

Виктор УРИН

ПЕРВОМАЙСКИЙ МАРШ

Вот мы и встретились.

Стой,
дай
руку на дружбу нашу.
Мирными песнями
мои
май
и в этот день украшую.

Шумно на улицах:
тут
смех,
там, в кругу, плясовая.
Цифрами выражен
труд

всех
на транспарантах мая.

Снял экскаватором
пласт
рельс.
Волга роднится с Доном.
Дружно, товарищи,
раз
два!
К первым примкнём колоннам!

В небо весеннее
флот
измыла.

Выхрь реактивной лавы.
Нынче, товарищи,
смотр
сил
микной нашей державы.

Твёрже вышагивай.
Строй
зная.
Словно на командира,
люди, равненье
на мой
май,
на знаменосца мира!

Трудовой подвиг

Давно ли это было?

Только что кончилась война, самая страшная и кровопролитная из всех войн. Суровым и печальным взором оглядывали мы наше родимое земло, кровоточащее от ран боев. Многие ушли в память о том счастливых годах, когда страна наша была в цвету, и невозможно думалось нам: когда мы снова заживём так, как жили до войны? Сколько же лет пройдёт, прежде чем вернётся это заветное «как до войны»?

9 февраля 1946 года в Большом театре перед избирателями выступил Иосиф Виссарионович Сталин. Весь советский народ, весь мир, затянув дыхание, слушали вожди.

«Основные задачи нового пятилетнего плана», — говорил он, — состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довесенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем пройти этот уровень в более или менее значительных размерах».

...Шли дни, месяцы, годы, насыщенные вдохновенным созидательным трудом. Всё дальше и выше продолжалась строительная работа по восстановлению и развитию промышленности. Уже в первые годы послевоенного периода эта тема, нервная за перевалом. Но вот время отсчитало последний год пятилетки. Советский народ поднялся от прошлого и свершил своё.

Вот встаёт она перед нами, наша Родина, обновлённая и преображеная любящими руками сынов и дочерей своих. Снова поднялся из пучин красавец ДнепроЖЭС, сперва скромный окраской фасадов, новые дома и дворцы возродждённы Смоленска и Киева, Минска и Воронежа. Быстро колышется горячее марево над доменными печами Азовстали, озяб, как и раньше, неустанный движутся конвейеры Харьковского и Сталинградского тракторных заводов, беспрерывным потоком идёт на горы уголь из шахт Донбасса, буйно колосятся колхозные нивы Украины и Белоруссии...

Наряду со старыми предприятиями выросли десятки, сотни новых, которых раньше не было. На размытых берегах стоят новые, например, вагонетки машино-автомобильных-самосвалы с маркой Минского и Днепропетровского автомобильных заводов. Таких заводов до войны не было, они созданы уже в годы послевоенной сталинской пятилетки. На машиностроительные заводы всё в больших количествах поступает металл из Средней Азии, с Закавказья. Никогда там раньше металла не производился, металлургическая база в этих местах создана уже в послевоенные годы.

С чувством огромной гордости читаем и много раз ещё будем перечитывать цифры итогов выполнения четвёртого пятилетнего плана СССР на 1946—1950 годы.

Пятилеткой предусматривался рост промышленной продукции в 1950 году на 49 процентов по сравнению с 1940 годом. Это был расчёт на пятилетку с скачком, таких темпов никогда не было. Но советская действительность превзошла эти смелые планы: объём промышленной продукции вырос к концу пятилетки на 73 процента! Промышленность выполнила свой пятилетний план досрочно — за 4 года и 3 месяца. Баловой урожай зерновых 1950 года на 345 миллионов пудов превысил урожай 1940 года.

Руководимые и воодушевлённые партией Ленина — Сталина, советские люди совершили новый трудовой подвиг.

Советская молодёжь горда тем, что в этих чудесных победах заложена немалая доля и её труда и талантов.

Много славных новаторов, передовиков производства выработал и воспитал ленинско-сталинский комсомол. Широкую популярность и народную любовь к себе стяжали своим самоотвержением труда молодые патриоты — герои Социалистического Труда Юрий Динек и Лидия Коноваленко, Николай Чижевский и Мария Рождёва, Лидия Корабелова и Анатолий Субботин, Владимир Захаров и Василий Кучер и многие, многие другие.

Велики ваши успехи, но ещё более грандиозны задачи, стоящие перед нами. Мы стоим на коммунизм. Только что прошедшая нами пятилетка — этап на пути к достижению великой цели. Шумят зелёные дубравы лесных полезащитных полос, вгрызаются ковши гигантских экскаваторов в приэльскую землю, просладывают геологи трассы будущего канала в Каракумской пустыне, потоки оборудования и строительных материалов текут к легендарной Хаковке — это советские люди строят коммунизм.

Все силы своего ума и сердца отдаёт советский народ, советская молодёжь мируному, созидательному труду, ибо наш труд направлен на укрепление мира, на создание счастья для людей, на построение коммунизма!

На 345 миллионов пудов превысили урожай 1940 года валовой урожай зерна.

1 миллион 247 тысяч студентов обучается в вузах.

На 17 процентов увеличилась по сравнению с 1940 годом продукция лёгкой промышленности.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

СВОДКА ПОБЕД

Когда слова в победной сводки
Читали мы в рассеянный час,
Зыбы статистики короткий
Звучал поэзмой для нас.

Склонясь над свежей газетой,
Весь в грозных отсчетах альмы,
Заметка мастер: «В сводке этой,
Наверно, есть и сталь моя».

И постигая дea величье,
За столбиками цифр и слов
Шахтёр узнал свой добычу,
Рыбак увидел свой улов.

В заринцах плавок, в клочках дымки,
Как путя им крут по временам, —
Мечта любая достижима,
Любая цель доступна нам.

И у грядущего в разведке
Мы тем и счастливы всегда,
Что в каждой цифре птичка!
Есть доля нашего труда!

На 45 процентов превысило
довоенный уровень производство
чёрных металлов.

Делегация Союза свободной немецкой молодёжи в Москве, на Красной площади.

Фото В. Бирюкова

«Ждём дорогих гостей!»

НАВСТРЕЧУ ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЫХ БОРЦОВ ЗА МИР

В Москву длительное время гостила делегация Союза свободной немецкой молодёжи из Берлина. Её возглавлял Генеральный секретарь Союза, секретарь Центрального совета Союза свободной немецкой молодёжи Герхард Нойкрайм. задал вопрос: «Немецкая молодёжь готовится к 3-му «Всемирному молодёжному фестивалю в защиту мира?»

Генеральный секретарь Союза свободной немецкой молодёжи

— Немецкая молодёжь, готовясь к фестивалю, видит свою основную задачу в борьбе против ремилитаризации Западной Германии, в борьбе за сохранение единства миролюбивой, демократической Германии.

То обстоятельство, что фестиваль будет в Берлине, возлагает на нас, немцев, особую ответственность. Мы видим в этом выражение доверия и нам прогрессивной молодёжи всего мира. Мы сделаем всё возможное, чтобы оправдать это доверие и быть достойными вызванной нам чести.

Члены Союза свободной немецкой молодёжи готовятся к фестивалю, берут на себя организационные обязанности по подготовке анических групп и молодежи принимают энергичное участие в «Комитетах мира», созданных в различных городах и сёлах Германской демократической республики, многие дают свою лучшую учиться, в частности, в кружках политических, спортивных, художественных, научных и т. д. группах, которые обещают повысить производительность труда и перевыполнить план 1951 года. Так, например, член Союза Ганс-Иоахим Фельс с верфи «Варно» обязался к фестивалю разработать в два дня бригадный способ производства «бронзовых» отливок, начиная с транспортировки Альтена, дал слово отработать на своём тракторе дополнительно без ремонта 1 500 рабочих часов на полевых работах и тысячу часов — на транспортирование грузов.

При активном участии всего населения по всем Германским демократическим республикам организованы «Подготовительные комиссии», которые руководят подготовкой к фестивалю в Берлине. В течение восемнадцати лет многоэтажное здание на Александер-плац — так называемый «Дом молодёжи мира» — разместился Международный подготовительный комитет. Молодёжь и население Берлина поставили себе задачей украсить город, сделать его чистым и приветливым для гостей и фестиваля строится огромный спортивный зал и новый водный бассейн.

К международному празднику молодёжи будет благоустроено и приведено в порядок более 200 зданий и дворцов культуры. Учебные заведения, театры, клубы, библиотеки, 103 кинотеатра. Для выступлений молодёжных ансамблей и самодеятельных коллективов специально сооружаются 8 летних театров.

В Берлине активно усилено и приведено в порядок 1500 школ, 150 детских садов, 150 библиотек, 150 кинотеатров, 150 спортивных залов, 150 концертных залов, 150 музеев, 150 кинотеатров и музейчиков, готовящихся к фестивалю своим спортивным, танцевальным и музыкальным.

Для подготовки художественной части фестиваля Союз свободной немецкой молодёжи создаёт специальную комиссию во главе с профессором Лангом; членами комиссии являются видные деятели различных областей искусства.

Мы с нетерпением ждём дорогих гостей!

Михаил ЛЬВОВ

Женщина с коляской

Не забуду я никак
Этот день зоскерский —
Мы пришли в универмаг
За коляской детской;
Назадущую коляску
Выбирали без спаса —
Сколько выкрашена краской,
Многое пересоры.
Да коляска корона,
Лучшей не проси.
И когда я шёл спаса,
Чтоб поймать такси,
Я увидел, огнянувшись:
Через площадь ты идёшь,
Над коляской нахвачувши,
Бережно ей ведёши;
А кругом машины поток,
И поток шумит,
За гулом летят гудок,
Душу мне щемит;
А кругом двадцатый век,

Современности разбег...
А вдала, вдала, вдала,
На другом краю земли,
Поскачет на веток
Тихий корабль.
И гремят мои груди
Громы и мори.
Мыла! Переходи.
Улицу скорей!
Но на женщину с коляской
Смотрят наши люди с лаской,
И шофёр к склону приник,
И огромный грузовик
Перед крошечной коляской
Движется с опаской.

Люди! В грохоте и в лязге
Не забудьте это:
Это Мать стоит с коляской
Посреди планеты.

Путеоходчица

Заканчивая обход.
С фонариком в руке,
Путеоходчица идёт
От нас невдалек.
По реям молотком стучит
И в миг какой-нибудь
Определяет, как звучит,
Как поживает путь.
И если в рельсах есть порок,—
Не пашет молоток.
Ты с этим делом незнаком,
Но ты увидела друг,
Как много смысла и в таком
Простом труде, мой друг.
Отправлен в путь состав с углём,
Но раньше, до того,
Уже обходчики пешком
Шли, чтобы искать его!
Безут составы лес и сталь,
И скорый поезд мчится вдала,
И слет в скором без аварий
В Москву по делу мой товарищ.
И по всему Созу
Не танки, оружие —
Безут составы грузы,
Для дела мира нужные.
И скромный труд путеоходчицы
От всей души мне славить хочется.
Ещё мне хочется — всегда
Достойным быть того труда,
И чтоб равнялась по всему
Моя строка.
Хотя б удару одному
Простого молотка.

Рис. Д. Пивоварова

Рисунок Н. Голубев

Людмила Уварова

Новое цветение

Рассказ

Дождь лил всю ночь напролёт. Рано утром Сергей Ильич раскрыло окно, и в комнату, тесня друг друга, ворвались мокрые ветви малины, пахнущие горьковатой свежестью весеннего дождя.

«А всё-таки солнце проглянет», — думает Сергей Ильич, глядя на небо, затянутое тучами.

И как бы в ответ его мыслям кто-то в глубине сада кричит:

— С добром погодой вас, Сергей Ильич!

Конечно, это Алекса Макарушеник, кто же ещё придет сюда в такую рань? Раздвинув кусты малины, в мокрой от дождя ма-

ке он подходит к окну учителя.

— Так что, Алекса, думашь, тепло будет?

— Олеся, думай-ка!

— Не инчае. Смотри, Сергей Ильич, тучи на запад уходят. И действительно, вот уже раскрываясь, словно драпировка, туч над их головой, открыта ясная и чистая полосу неба. Полоса ширится, растёт, озаряемая изнутри яркими, но ещё невидимыми лучами солнца.

— Да, нычье будет тепло, — говорит, окончательно поверив, учитель.

Он выходит в сад вместе с Алексой.

Олексе не терпится поскорее приступить к опыту.

— Сергей Ильич, — он несмело трогает учителя за руку, — сегодня самый раз, как думаете?

Наконец-то солнце выплыло из облаков, на свободу! Нигде ни облачка. Над яблонями, винницами, абрикосовыми деревьями, окутанными зелёным дымом первой, свежей листвы, вьються пчёлы и бабочки. Плоды вишни, груши, яблонь трепещут и остры пахнет мяты, чебрецом, лаваной, расщепленной малиной.

— Погоди, Алекса, — говорит Сергей Ильич, — не торопи меня.

Он подходит к деревьям, внимательно оглядывая каждое. И ветка, тронутая его рукой, упрямо выпрямляется, как живая.

Сяд между тем заполняется школьниками. Пришли Алёша Горбатый, Галя Воронец, Олеся и Вера Степанчиковы. Галя Воронец побежала к своей племянке, там же неб ветвистая пшеница растёт. Алёшина Горбатина на краешке лужинки посыпал кукурузу какавковым способом. Сергей Ильич об этом способе привёл в журнале. Алёша по его совету выкопала на грядке несколько картофельных и посадила в каждую по одному зерну кукурузы. Когда вырастет стебель в пять — семь сантиметров, его засыпают землей. Он опять растёт, и его снова засыпают. И так несколько раз. В конце концов вырастет высокая кукуруза с несколькими початками.

Олеся и Вера Степанчиковы выращивают чёрную смородину, хотят добиться сверхурожного урожая. Все заняты своим делом, но украдкой каждый из них следит за учителем: не пора ли начать долгожданный опыт?

— Сергей Ильич, а что я у вас спросить хотел? — начинает Алекса. — Правду, ребята говорят, будто вы партизаном были?

— Был, Алекса.

— Всё вониу?

— Всё вониу.

— Но оно что, — задумчиво говорит мальчик. — Всё вониу... А ведь вы так погладили, совсем ещё нестарый.

Сергей Ильич усмехается:

— Да уж, нестарый! В этом году в кандидаты партии подавать буду. Уже из комсомольского возраста вышел, а ты говоришь, нестарый.

Олексу только в этот год призывают в комсомол. Сколько ещë лет пройдёт, пока он выйдет из комсомольского возраста: сколько дождя и солнца прольётся за эти годы над землёй, сколько туч проплыт в небе, сколько добрых урожаев дадут старые яблони в школьном саду!..

Пожалуй, пора приступать к опыту. Олеска бежит по саду:
— Начинаем опыт, сашинцы, начинаем!

Учитель берёт большие садовые ножницы и подходит к первому абрикосовому дереву. И ветви, опущенные листьями, слегка на землю.

Затем дыхание, шагают юннаты за своим учителем.

Так вот он, этот смелый, самый тоже — дерзкий опыт, о котором они столько раз говорили с Сергеем Ильичом! Вот оно — новое цветение сада.

Прошлый год Сергей Ильич, ещё учиившийся в Сельскохозяйственной академии, проходил практику в Мичуринске. Оттуда он привёз слова, в сельскую школу, эксперимент, подсказанный самой природой.

Бывшая ранней весной, в самый расцвет абрикосовых деревьев, вдруг обрушиваются на землю заморозки. Они приходят нежданно-негаданно, подобно непрошеным гостям, и цветущий, радостный сад сразу меняет свою обличье. Зелёные листья теряют неистребимую животворящую силу, задолженную в них, осмыкаются цветы, сувениры щедрой урожай осенью.

Не всегда можно предугадать заморозки. Да и как предохранить от них деревья?

Тогда человек решается спасти сроки цветения, заставить деревья цветти тогда, когда опасность заморозков уже миновала.

Спустя некоторое время после появления на деревьях зелёных побегов их срезают. Проходит две — три недели, и появляются новые побеги, те, которых суждено было прородиться лишь следующей весной. Человек опередил время расцвета природы. На молодых побегах, рожденных на целом год раньше, закладываются новые цветочные почки. Человек заставил деревья цвети в новые сроки, и, послушные его воле, следующей весной они уже сами зацветут на две недели позднее, тогда, когда опасность заморозков минует. А цветы весной — залог доброго урожая осенью.

Так происходит новое цветение сада, которым управляют человеческий разум и воля.

Цветущие абрикосовые деревья в саду становятся неожиданно привлекательны, удивительно торчат обрезанные ветви.

— Теперь у нас на будущий год деревья зацветут позднее, — говорит Олеска Гала Воронец. — И урожай будет просто замечательный.

Он верит Сергей Ильичу. И Алёша, Вера, Олеся — все верят учителю. За тот год, что он работает здесь, в школе, он успел рассказать, а главное показать столько нового, интересного, увлекательного! Это он предложил на школьных делянках посеять кукурузу канавковым способом, и даже из окрестных колхозов приходили к нему по глядести на их пищницу, многостеблевую кукурузу. Он засадил четверть гектара ветвистой алысенковской пищнице, достал семена южных помидоров и посеял в саду. А на будущий год они решали развести виноград, самый настоящий виноград!

— А мне жалко, — говорит Гала, опустив горничные черные глаза, — очень жалко обрезать ветви.

— Чего я их жалею? — убеждает её Олеска. Через две недели деревья наши ещё лучше будут.

— Так я через две недели...

Она побегает к учителю:

— Сергей Ильич, вы бы хотели то дерево не трогали...

Учитель разводит руками:

— Поздно сказала, Гала, уже обрезал. Да ты не бойся: она опять расцветёт, вот увидишь.

Но Гала убедить трудно. Ей кажется, что деревьям больно терять свой весенний наряд. Своевольно дёрнув плечом, она возвращается на свою делянку.

Олеска, нахмурившись, смотрит ей вслед.

— Вот ведь какая, — обращается он к учителю, — упрямая, просто сладу с ней нет...

Солнце ярко сияет в чистом синем небе, высокая трава и листья, и так не хочется идти из солнечного сада в прохладный, темный посёлок трубы и скота ламбады.

Хочешь бы сейчас пойти в сад, пробежаться по саженой, молодой траве, ещё раз осмотреть деревца. Но звонок прозвенел. Ничего не поделаешь: приходится сидеть в классе и только изредка поглядывать из окна на сад. Издалека среди яблонь и вишнен видны абрикосовые деревья, и кажется, из-за пищнице листья соседей они укоризненно поклоняются на учителя своих образованными, сразу становящими короткими и извращенными ветвями.

— Приходилось ли вам видеть, — обращается учитель к классу, — колос пищница или ржи, выросший случайно на дороге? Он чахлы, зерен в нём мало, и стебель тонкий, худосочный. А рядом в поле растёт пищница в рост человека, каждый колос, как пшеница, тяжело ложится на ладонь. Отчего это бывает, как думаете? Чем объясняется более знаменитый вид придорожного колоса и цветущее здоровье его товарища в поле?

— Условиями жизни! — выкрикивает Олеска.

— Правильно. Это всё зависит от условий жизни. Только зачем ты руки не поднимашь? Как следует отвечать?

Гала Воронец поднимает руку.

— Отвечать следует так: поднять руку и ждать разрешения учителя. — И Гала торжествующе смотрит на Олеску. Сергей Ильич усмехается:

— Ну и Гала! До чего я хожу!

Занятые у него в школе ребята, думает учитель. У каждого свою мечту. Гала хочет, чтобы во всех окрестных колхозах поскорее стали сеять ветвистую пищницу.

Для Олески же каждое дерево имеет свою алису, он с ними, как с друзьями, разговаривает. Сергей Ильич не раз видел Олеску за работой в саду:

— А ну, поднимись, — говорит маленький, стоя возле яблони, осторожно пытаясь пожинками. — Сейчас я все твои сухие ветви обрежу. Иши ты, какая ходяня, одна хочешь всё тепло забыть. А мы тебя постесим, вот так, чтобы и другим хватало. Опять на саду, маленький, заборянный и строгий; там обрёв сухой аист, там ветку обрежет, просто рукой по стволу пропадёт.

Сергей Ильич встречается глазами с Олеской. Оба понимают: каждый из них думает об одном и том же. Весь класс думает об одном и том же, все головы повернуты к окну, в сад.

И Сергей Ильич вдруг с особой силой сознает: до чего же я люблю из этих ребят дорого и близко всё то, что они познают здесь, в школе!

Учитель думает о том, что его знания, весь его ещё такой небольшой опыт он, словно эстафета, передадут ученикам, тем, кому в будущем судьба познает ещё немало дерзких исканий, претворить в жизнь многие смелые мечты.

И пусть впереди не всё будет идти легко и гладко, пусть суждены им порой неудачи и поражения — и так бывает, зато в будущих поисках, в творческом труде его питомцев заключена и доля их учителя, хорошее упражнение, постоянное стремление вперёд...

Дожди, дожди... Каждый день дожди. Скучно и сырь в саду.

Каждое утро Сергей Ильич с досадой смотрит на серое, завалоченное тучами небо. Чем больше будут дожди, тем больше заинтересится цветение сада. До чего же хочется поскорее увидеть его зелёным и радостным, в цветах, обычно расветвляющимися абрикосовых деревьев! И Олеска будет несессером, и Алёша тоже. Гала и вовсе заскучает. Нет, думает она, кажется, настасяла, пострадает большинство деревьев...

Но вот однажды на рассвете, когда окна ёщё обмывались амбарной туманом и птицы в саду молчат, к учителю прибегает Олеска.

— Сергей Ильич, — теребит он спящего учителя, — вставайте! Ой, Сергей Ильич, на крайнем дереве появился аист, и на том, что с дулом... тоже...

Они бегут по саду, и росистая, заметно выросшая за это время трава холодит их босые ноги.

Да, появился аистом! И ёщё один, и ёщё... Из боковых почек брызнули новые побеги, всегда, куда ни глянь, на ветвях зеленеют короткие с острыми клювами аисты.

— Видишь, — торжествующе говорит Сергей Ильич Олеске, — видишь, Олеся, аисты!..

— Я побегу, — говорит Олеска. — Я сейчас...

— Куда ты? — спрашивает Сергей Ильич. Но Олеска уже побежала, и лишь следы от его ног темнеют на примятой траве.

Он возвращается вместе с Галей.

И первая слогика задыхалась от быстрого бега, говорит он ей. — Видишь, аисты, а ты не веришь!

— Я не не верила, — обиженно протестует Гала. — Просто мне деревьям жалко было. — Но тут она замечает аисты и совсем по-детски всплескивает руками. — О, батюшки, аисточки, смотрите!

Да, да, да, это ёщё всё в дикоминку. Она бегает среди деревьев, осторожно касаясь молодых листьев, загорелая, легконогая.

И Сергей Ильич с Олеской, улыбаясь, смотрят на неё.

Всем троим видится сад таким, каким он будет теперь уже скоро, через день, через два, опущенные нежной зеленью деревья, блаженный звон ос и пчёл, кружящих над молодой листвой...

...До позднего вечера в старом саду звучат голоса школьников.

При свете луны чётко вырисованы недвижные профили яблонь и абрикосов; даже в темноте видны на ветвях молодые острые листья. По несколько раз проходятся ребята с учителем и всё не уходят. Так не хочется уходить отсюда! И он знает: ёщё не раз среди ночи многие из них прибегут в сад посчитать, сколько новых листьев появилось на деревьях.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Счастье

Вот идут
Весенние Москвой,
Будто по следам своей мечты.
Девушка суровой красоты,
Юноша с седой головой.

Мимо них промчалась гром трамвая.
Вечер поднял первые огни.
Ничего вокруг не замечая,
Локоть к локту — так идут они.

Видно, путь их был добр и труден,
Много позади тревожных дней...
И на них отгадывались люди,
И глаза светились у людей.

Словно всех, кто находился рядом,
Счастье осенило дорагим взглядом.

Двум сердцам
В одно дыханье слиться,
Радость от прохожих не скрывать...
Счастье нарисовано на лицах,
Счастье несложно нарисовать!

И Сергей Ильич с Олеской, улыбаясь, смотрят на неё.

Всем троим видится сад таким, каким он будет теперь уже скоро, через день, через два, опущенные нежной зеленью деревья, блаженный звон ос и пчёл, кружящих над молодой листвой...

...До позднего вечера в старом саду звучат голоса школьников. При свете луны чётко вырисованы недвижные профили яблонь и абрикосов; даже в темноте видны на ветвях молодые острые листья. По несколько раз проходятся ребята с учителем и всё не уходят. Так не хочется уходить отсюда! И он знает: ёщё не раз среди ночи многие из них прибегут в сад посчитать, сколько новых листьев появилось на деревьях.

Ф. АБДУРАХМАНОВ.

«Чебан» [скульптура].
Бетон-стекловолокно. Художественный институт им. Ильинского. 1950 год.

Н. Пономарёв.

Всесоюзная художественная выставка 1950 года
из серии рисунков «Шахтёры Донбасса».

Сверх плана.

Ремесленники. Смена растёт.

СОРОК ПЯТАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

Вспоминается наш первый студенческий бал. Мы тогда были еще на первом курсе института. Играли музыка, кружились пары, и вот в разгар вечера ко мне подошли одни из преподавателей и спросили:

— Что же это не все студенты из вашей группы пришли?

Мне было неловко за товарищев. Но надо было говорить правду. Я ответил:

— Штурмуют... «хвосты» подгоняют... занимаются...

— Их-то-ресь-но! — сказал преподаватель. — Что же это они, думают и вперед все балы сидеть дома? Нет, учиться нужно так, чтобы и успеваемость была отличная и повеселиться можно было!

Этот случай я вспоминаю сейчас потому, что давно уже вся наша сорок пятая группа в полном составе ходит и на студенческие вечера, и в оперу, и в драматический театр, и в кино, и на спортивные соревнования... Давным-давно в нашей группе нет неуспевающих студентов, и никому теперь во время бала не приходится оставаться дома и просиживать над учебником. В институте наша группа славится своей высокой успеваемостью и большой активностью в общественной жизни. Нужно прямо сказать, что к этому мы пришли не сразу. Комсомольской организацией пришло много поработать над тем, чтобы создать обстановку крепкой дружбы и спланировать, воспитать в каждом студенте чувство высокой ответственности перед коллектиком за свою успеваемость.

Разные по характеру, возрасту и жизненному опыту, пришли в институт три с лишним года назад студенты нашей группы.

Виктор Федосенко, например, был на фронте начальником штаба полка, а Лев Андрианс пришел вуз прямо со школьной скамьи. Большой боевой путь прошли в годы Великой Отечественной войны разведчик Юрий Фурса, авиамеханик Еремей Шагалаев, бойцы Алексей Великохатский, Георгий Киршиченко, зенитчик Николай Собакарь, капитан Александр Митасов, а Владимир Ревинов, Николай Криворотов, Владимир Авраменко и единственная девушка на всю нашу группу — Фания Астапова — только что окончили школу. Перед комсомольской группой задача: сразу же создать в группе спланированный студенческий коллектива. Помню, на первом же комсомольском собрании студент Владимир Ревинов горячо, с жаром говорил:

— Товарищи, в нашей группе на двадцать два человека шестнадцать комсомольцев и четырех коммунистов! Имеем ли мы право отставать в учебе? Никогда!

Юрий Фурс добавил:

— Мы, комсомольцы, были вместе с коммунистами примерными бойцами на фронте. Покажем, что мы и в учебе будем в первых рядах! Свои слова и Владимир Ревинов, и Юрий Фурса, и многие другие, у кого на груди есть комсомольский значок, подраздили успешной учебой. Именно потому, что они служили примером в учебе и проявили хорошие организаторские способности, комсомольцы избрали Владимира Ревинова секретарем комсомольского комитета института, а Юрия Фурса — его заместителем.

Случилось так, что в первые месяцы учебы кое-кто из студентов отставал, а в маевшательство комсомольской организации отвечал:

— Учеба — это мое личное дело. Если я не успеваю, — значит, сам несу за это ответственность.

Так пробовал отвечать, например, Володя Авраменко. Слова его возмутили всех. Первым на комсомольском собрании взял слово Коля Собакарь. Он гневно сказал:

— Кто дал право советскому студенту говорить: хочу — учуся, хочу — не учусь?! Кто тебе, комсомолец Авраменко, разрешил так говорить? Где твои комсомольская совесть? Отглянись вокруг. В Харькове еще есть дома в руинах, а ты учишься в хорошем здании! Для тебя приготовлены тысячи книг в библиотеке; для тебя приходит сюда лучшие профессора читать лекции; для твоей плодотворной учебы государство затратило сотни тысяч рублей на оборудование лабораторий и технических кабинетов; к твоим услугам светлое, тёплое общежитие, хорошая студенческая столовая...

Авраменко, недавний десятиклассник, смущенный стоял перед вызванным фронтовиком. Кто-то из ребят предложил написать коллективное письмо родителям Авраменко, но тот сказал:

— Товарищи, я понял свою ошибку. Даю слово комсомольца ликвидировать «хвосты» через две недели и вперед никогда не допускать академической задолженности.

С тех пор прошло уже много месяцев. Владимир Авраменко занимается успешно, комсомольской организацией больше ни разу не приходилось возвращаться к этому вопросу.

Стенная газета группы, листики «молнии» отражают ход учебы. Коллектив всегда знает, как учится каждый студент. Когда шла работа над курсовым проектом, на стене висел график выполнения заданий каждым студентом. Учеба — это не личное, а государственное дело! Любое событие в жизни института и группы комсомольская организа-

ция умеет использовать для единой и главной цели: повышения качества учебы. Этим пропозиции все будни студенческой жизни.

Наш институт уже давно шефствует над одним из боевых кораблей Черноморского флота. Моряки бываюят у нас в гостях, делегации студентов ездят к морякам. Из нашей группы в составе делегации института к морякам ездили Фания Астапова и Владимир Ревинов. Ребята радостно и торжественно готовились к отъезду: закупали для моряков книги, портсигары, одеколон, бритвенные приборы.

— Но главный наш подарок черноморцам — это отличная успеваемость, товариши! — говорил Володя Ревинов. — Вот мы приедем на корабль, нас окружат моряки, и, уверю вас, первым вопросом будет: как учеба? Что же я отвечу? — Володя оставил свой взор на Коле Кирpotрове: у того была неудовлетворительная отметка по иностранному языку. — Что ж, Коля, прикажешь передать морякам? Что ты не успеваше? Ничего себе, хороший подарочек подшипниками!..

До отъезда делегация оставалась еще несколько дней, и Николай глубоко и сердечно занимался учебой... На корабле студенты разортавали о хорошей и отличной успеваемости всей сорок пятой группы. Когда на Октябрьские праздники моряки приехали в Харьков, студентам также не пришлась краснеть: в сорок пятой группе все занимались успешно.

— Молодцы, ребята! — сказал студентам старшина, бывалый моряк, увешанный орденами и медалями. — Учитесь отлично, набирайтесь знаний; мы, часовые морей, зорко бережем мирный труд нашего народа, охраняя ваше право на образование...

Из двадцати двух студентов сорок пятой группы двадцать человек живут в общежитии, в светлом, тёплом, чистом и уютном помещении. Чудесное зрелище представляется оно в вечерние часы! На столике стоит радиоприемник, друзья читают, играют в шахматы, оживленно обмениваются вычитанными днями. Как правило, в общежитии студенты не готовят домашних заданий: для этого всегда есть свободная аудитория. Общежитие предназначено для здорового и культурного отдыха.

Будущие инженеры растут всесторонне развитыми, культурными и образованными людьми.

Как-то мы прошли в «Смене», что при Винницком университете в СССР существует «братьство», созданное для ободривания молодежи; при посещении в члены «братьства» студент должен простить, чтобы не велось, свыше четырех часов, дерка в вытянутых руках сбрынуто в трубку газету. После этого его заставляют совершив ряд таких же бесмысленных, диких операций... Среди студентов одного американского университета была проведена анкета. На вопрос: «Что вас больше всего интересует на досуге?» — последовали ответы: «Виски, фильмы с актрисами типа «замы» (т. е. «зампиров»), девушки, когда есть виски, мысль о том, как бы добить 100 тысяч долларов в год...»

Вот он, умственный базагл питомцев Трумана!

Как непохоже это на жизнь, на моральный облик наших советских студентов!

Недавно харьковская газета «Красное знамя» тоже обратилась к студентам города с аналогичным вопросом: «Что вас больше всего интересует на досуге?» Умные, содержательные, интересные ответы дала молодёжь. Советские юноши и девушки любят книги, театр, музыку, спорт, шахматы, интересуются смежными областями науки.

Взять хотя бы ребят из нашей сорок пятой группы. Виталий Корун — альянтист, ходил на Эльбрус, Фания Астапова — членом института по плаванию, ходит на лыжах, занимается гребным спортом, Владимир Авраменко — художник — Николай Собакарь — шахматист, Александр Митасов и Алексей Великохатский — музыканты, Юрий Фурс и Леонид Серых — певцы... Студенты интересуются не только техникой, но проблемами языкознания, биологии, философии, истории, астрономии, химии, музыки...

У студентов сорок пятой группы возникла крепкая и хорошая дружба со студентами физиологического факультета университета. Будущие инженеры и филологи часто бывают друг у друга на вечерах. Как-то одного студента-филолога спросили, не скучно ли ему быть в нашем институте. Он ответил:

— Нет, что вы! У нас весьма интересные встречи. Мы разговариваем об искусстве, литературе, музыке...

Когда мы слушаем лекцию в аудитории, проводим практические занятия в лаборатории или устраиваем шумный и веселый вечер от дыха, я с восторгом думаю о том, какие замечательные у меня друзья, какие прекрасные кадры технической интеллигенции получает наша любимая Родина!

Юрий БЕЗРУКАВЫЙ,
комсорг 45-й группы Харьковского
авиационного института

г. Харьков.

На заседании Государственной экзаменационной комиссии в Литературном институте имени А. М. Горького. Писатель В. А. Смирнов выступает с оценкой творчества выпускника-дипломата Юрия Бондарева.

Фото Г. Борисова

Праздник в институте

В самом центре Москвы, на типом аэлном Тверской бульваре, есть старинный особняк, окружённый высокими каменными оградами, выходящий на бульвар, барабелье: профиля великого писателя русской литературы А. М. Горького. Здесь он родился, и с тех пор в стенах этого дома живут идеи и мысли самой передовой культуры в мире — русской литературы.

Дом Горького. Созданный по инициативе А. М. Горького для своих питомцев — Литературный институт Союза советских писателей СССР. Именем А. М. Горького названы и другие здания, принадлежащие к учреждениям, связанным с литературой: драматургия — Ю. Симонов, Е. Долматовский, М. Алигер, А. Яшин, Е. Малышев; Ю. Трифонов и А. Стругацкие — писатели, члены которых входят в состав этого института. Каждый год гряды советской литературы пополняют свои новоявленные члены, и среди них многое воспитанников Литературного института. Некоторые студенты, еще находясь в его стенах, уже становятся известны за границу со своим произведениями: майский поэт, студент курса М. Матвеева, Евгений Соловьев, участник IV курса Русеены Мухтаров, поэт-аспирант Георгий Эмин удостоены Сталинских премий...

Стены института — сплошь и цумно. Началась защита дипломов. Пятикурсники должны отчитаться перед профессорами и писателями, передать ведущим в своем творческой работе.

Строгий светильник наполняет пыльным теплом, бывает, быльших вспышек, горят лампы. Государственная экзаменационная комиссия занимает свое места за столами, покрытыми тяжелым зеленым скатертью.

Под сводами, где читают свои стихи величайший поэт современности, писатели, члены Союза писателей, учёбе выбрасывают плащадь советских поэтов, раздаётся словобойный голос первого из запечатленных городов — города Юрия Бондарева. Родившийся в счастливые годы советской власти, шахтер, писатель, писатель-революционер, воин, Бондарев в качестве диплома представляет рассказ из сборника.

Юрий Бондарев — талантливый молодой писатель со своей темой и своеобразной манерой письма, — говорит это румынинец К. Г. Петровский.

Высоко оценивает творчество Бондарева и писатель В. А. Смирнов.

— Если молодой прозаик будет упорно и настойчиво работать и дальше он сможет стать одним из мастеров нашего рассказа, — говорит Смирнов.

Дружины — аподилементами вспоминают присущие всем албанским поэтам, студентов института Феттина Гата и Лазаря Сильви. Все писали тот день, когда они пришли в институт, и знали по-русски ни одного слова, и в кабинете директора, растерянными. А Гата и Сильви защищали свои дипломы на чистейшей русской языке. Автобиография писателя Бориса Феттим Гата читает взволнованные стихи:

Ветер весенний пролетает
Над счастливым краем,
Под небесной синью.
И весна приносит в каждое селенье

Ветер из России...

(Перевод Д. Самойлова)

Лазарь Сильви прочёл отрывки из своей поэмы «Наше счастье не помешало нам в поисках счастья звать славу обретённой и коммунистической партии».

— Большой школы, для меня — гордости, — говорит — были переведены на албанский язык лучшие произведения русской классической и советской поэзии, особенно Маяковского. Мы учились на родину, чтобы там стихами, песнями и рассказами укреплять дружбу народа демократической Албании и Советского Союза. Спасибо товарищу Сталину за то, что он дал нам возможность жить и творить в великом русском народе!

С большим успехом защищили свою дипломную участницами ветеранами института профессор-коронник Г. Фридман, поэтом-украинцем Евгением Виноградовым, поэтом-украинцем Михаилом Григорьевым. Все получили высшие оценки — «отлично».

Воспитанные на традициях передовой литературы, всерусской культуры, на марксистско-ленинских идеях, молодые писатели входят в единую многонациональную семью советской литературы, единую семью душ, о которых с такой любовью говорил великий Сталин. Защита дипломов в Литературном институте — праздник молодых писателей.

О. КОЖУХОВА

СВЯЗНАЯ ЦИНЬ ФЫН

(Продолжение. См. «Смену» №№ 6, 7, 8 и 9.)

Цинь Фын потеряла счет поворотам. Несколько раз ей чудился свет выхода, и она из последних сил бросалась вперед. Но никакого света впереди не оказывалось. Только новое разветвление или сно- глахая ширшавая стена земли. И всё та же чёрная тишина подземелья.

Кожа на руках Цинь Фын была стёрта до крови из-за постоянного опущивания ширшавых стен.

По звуку шагов, делающимся всё глуше, она опытным ухом различила, что уже недалеко до стены. И тут ей вдруг почучился звук. Это было так неожиданно, что она не верила себе. И тем не менее это было так: кто-то шевелился там, впереди, в чёрном провале подземелья.

— Кто здесь? — спросила она, невольно понизив голос до шёпота. Никто не отозвался. Но это не могло её обмануть.

— Кто это? — спросила она, снова опускнувшись вперед.

— Я это раз так же осторожным шёпотом ей ответила:

— Мя! — Чизит, человек бы не один! Значит, тут живёт, отсюда есть выход!

У Цинь Фын закружилась голова, она скатилась за вспышку стены, сделала ещё несколько неверных шагов, и, покачнувшись рядом с собою темноты, опустилась на землю. Оно было так неожиданно, что она не успела отреагировать на предположимо желание опуститься на землю. Она села, и ей захотелось заплакать, хотя она ни разу не плакала с тех пор, как пришла к партизанам. Даже когда убили Чын-го... Но сейчас, сейчас ей очень хотелось заплакать. И всё-таки она не заплакала: ведь «Красные крылья» не плакали никогда!

Её показалось, что она едва успела закрыть глаза, как веяки ей опять разомкнулись, но, словно в чудесной сказке, вокруг неё уже не было промозглой темноты, подземелья. Принятый запах близкого жилья и блеск ярких звёзд над головой сказали ей о том, что она на поверхности. Свет звёзд был слаб, но привыкши к темноте глазам Цинь Фын его было достаточно, чтобы рассмотреть вокруг себя фигуры сидящих на корточках детей. Они сидели молча, неподвижно. Бледневшие в склонившееся к ней лицо мальчика, Цинь Фын узнала Чунь Си.

12

Мей сидела на веранде в кресле-качалке. Сейчас, когда никто за неё не наблюдал, Мей уже не казалась молодой и сильной. Горькая складка легла вокруг рта, и в глазах, недавно лучившихся геничностью энергии, блеск исчез.

Мей задумчиво смотрела в сад. Но как только на дорожке показалась Ма, складка вокруг рта, и в глазах, недавно лучившихся геничностью энергии, блеск исчез.

Мей сидела в кресле-качалке, глаза сощуривались в узбечке. Но Ма глядела строго, даже сумрачно. Она молча опустилась в кресло рядом с Мей. После долгого, томительного молчания Мей неожиданно спросила:

— Зачем мы ведём эту двойную жизнь?

— Двойную жизнь? — испуганно пропелетела Ма.

— Я несвою выразилась?

— Извините, я не веду двойной жизни.

Мей сказала шёпотом:

— Перестаньте играть.

Ма почувствовала игру, как струя колкого холода обежала в пальцы, как ослабели колени.

Хотя полумрак скрывал лицо Ма, по её испуганному движению Мей разгадала, какое испуганство пронзило её слова. Не вставая с качалки и подавившись всем корпусом вперёд, Мей проговорила:

— Это двойное существование не будет вечным... Светлая жизнь вернётся.

Мя могла сказать это, если бы что-то угодно, только не пароля уполномоченного партизанского штаба.

— Попробуйте пожалуйста, повторите, — растерянно проговорила она.

— Вы мне не верите?

— Это так неожиданно.

— Значит, вы теперь знаете, кто я?

— Да.

— И верите мне?..

— Раз вы присланы оттуда.

Мей поднялась и решительно шагнула к Ма.

— Мне поручили крепко пожать вам руку.

— Спасибо, о, спасибо! — прошептала Ма. — Я так истосковалась по праву смотреть людям в глаза.

— Дело, порученное вам, серьезно... Вам предстоит взять Янь-Ши-фана.

Мей пристально гляделась в лицо Марии. Ма хотела сказать, что она уже знает всё, все обдумала и все всему готова, но что-то — что, не знала сама — заставило её удержаться. Она только сказала:

— Да, это очень трудно.

— Но вы не боитесь?

— Чего?

— Похищение палача должно удастся?

— Да.

Только обреведри его, командование НОА сможет спасти жизни тысячам заключенных, которых Янь держит в тюрьмах Тайбэя.

Он попытается уничтожить их и всех лучших людей города, когда войска Пин-Ляя пойдут на решительный штурм. — тут Мей схватила Ма за руку и поклонилась. Никто, кроме нее, не должен знать, что я, Сынщите?

Мей приложила пальцы к губам: в комнату входил Баркли. Ма послышно вышла.

Вы осмотрели окрестности? — спросила Биба Мей. — Необходимо помнить: на нас лежит ответственность за жизнь таких людей, как генерал Баркли и Янь-Ши-фан.

— Как! И Баркли? — Биб засеменил к двери и, распахнув её, крикнул: — Кароль, эй, Кароль!

С помощью Кароля Биб продемонстрировал

Мей все средства защиты, какими располагала миссия. Из-под полосатых маркин, таких миных на вид, спустились стальные щиты; пулеметы оказались скрытыми под переворачивающимися креслами.

— Да, настоящая крепость, — сказала Мей. Она стояла, погружённая в затуманенность. — Вы никогда не замечали: самые интересные открытия делаются нами неожиданно, — проговорила она. — И... как бы это сказать... по интуиции.

— О, интуиция для агента — всё, — согласился Биб. — Мы должны с первого взгляда определять человека. Вот, например, я разгадал пару Ани. Опасный враг!

Чтобы скрыть смущение, Мей не спеша закурила и, прищурившись, оглядела агентов:

— Я приготовила вам маленький сюрприз.

— О, мисс Ада, мы уже знаем, что вы способны, — улыбнулся Биб.

— Вот как?

— О да, мы слышали о вашем поединке с красной парашютисткой!

Когда агенты вышли, Янь опустилась в кресло и, уперев локти в подлокотники, сцепила пальцы. Её подбородок лёг на руки. Он глубоко задумалась и долго сидела, не шевелясь, потом бесшумно поднялась и, неслышно ступая, приблизилась к телефону. Приврязав руки, она сказала в трубку:

— Дай мне командора американской миссии... Даите первый... Это вы, капитан?... Длес Ада... да, всё в порядке... Категорически проси: теперь же опечтите миссию. Никто из под каким предлогом не должен сюда проникнуть! Отмените все пропуска. Сынщите: все пропуска!

Повесив трубку, Мей долго стояла у телефона, потом погасила свет и неторопливо подошла к окну. Сквозь раздвинутую штору ей было видно всё, что происходит в саду.

Следом за нарядным лимузином в аллею въехали грузовики и остановились перед домом. Из лимузина вместе с круглыми, как шар, Янь-Ши-фаном вышел человек в форме американского генерала. Мей поняла, что это Баркли. По знаку Баркли грузовин подъехал к церкви. С него скосился с десяток японцев. Они принялись за разгрузку автомобилей. По внешнему виду японцы можно было подумать, что в них упаковано вино. Но Мей хорошо знала, что скрываются под этой национальной формой: то было смертносное продукцию. Церкви. Японцы бережно перенесли ящики в дом. Повсюду взвешивали на ремнях ветки по длине деревьев. Все фонари погасли. Фары грузовика искали за воротами миссии. Мей был теперь виден освещенный луной белый куб церкви, стройная стrela колоколами и горящий голубоватым светом крест.

Мей задвинула штору. В комнату вошли Баркли и Янь-Ши-фан с висящей на его локте Сынчи.

Баркли, казалось, ничего не удивился, увидев Мей. Он даже удовлетворённо кинул головой и, обращаясь к ней, как к старой знакомой, сказал:

— Японский медицинский персонал, прибывший сюда для организации станции противотуберкулезных приливов, нужен разместить в службах миссии. Начальником станции будет доктор Морита. Проси поэтому забрать его уeldorfства.

При этих словах японец ещё раз поклонился, но Мей без всякой приветливости ответила:

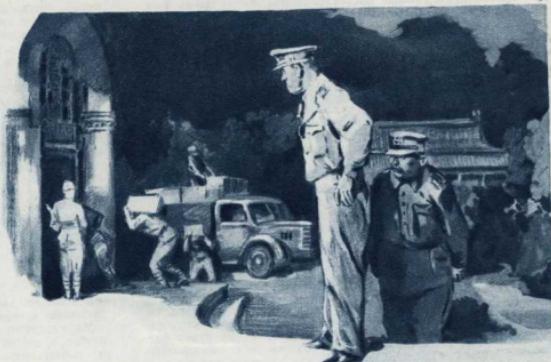
— Здесь хозяиномает экономика мисс Мэри — Ма. Я только врач.

— Знаю, — отрезал Баркли. — Но с этого дня за порядок здесь отвечает вы. И подчёркнуто: — Надеюсь, в осталном вы инструктируете.

— Да, сэр.

Всомла Ма:

— Я готова показать господам их комнаты.

По знаку Баркли японцы принялись за разгрузку автомобиля...

Янь Ши-фан и Сынчи вышли. За ними хотел последовать и японец, но Баркли велел ему остаться.

— Должен вам сказать, господа, — сказал генерал, — что, быть может, вам придётся начать работу несколько раньше, чем мы предполагали. Не исключена возможность нашего — моего и генерала Яни — неожиданного отлёта в ближайшие дни. Вы откроете свою «станцию», не ожидая капитуляции Тайбэя. Эвакуировать блокированных тут войск гоминдана всё равно не удастся. Так что нет никакой надобности оберегать их от заражения. Пусть они лучше погибнут, чем перейдут в ряды красных... — Баркли с усмешкой взглянул на японца. — Не будто, что у доктора Морита было возражение?

Японец удовлетворённо втянул воздух. Как только он ушёл, Баркли поспешил к двери.

События развивались совсем не так, как нам хотелось бы. Тишина на фронте — перед бурей. Пин-Ляй готовит генеральный штурм Тайбэя. Ни минуты не сомневаясь: это будет последний бой, крепость падёт. Мы с Янем улетаем завтра. После завтра вы откроёте рабочую станцию и тоже исчезнете, представив действовать японцам.

— А японцы?

— Какое вам дело до них? Если красивые их и повесы, большого горя мы им испытывать. Лиши их они успели сделать свою дело. Надеюсь, что вместе с войсками Янь-Ши-фана будут уничтожены и те японские бригады, которые мы для него сформировали.

— Хватит ли препарата?

— Материала, привезённого мною, хватит, чтобы умертвить половину Китая, нужно только его умело использовать. У японцев есть опыт.

— Разве они уже проводили такие операции?

— И не одни раз. Со временем, когда мы разовьём производство до нужных масштабов, бактериологическое оружие станет основным в войне, которую мы будем вести.

— С Формозы?

— Найдётся достаточно общих границ: Корея, Индия, Вьетнам...

— Вы намерены уничтожить своих собственных покупателей?

— Что делать? — скрупулёзно проговорил Баркли. — Если мы не хотим потерять всю Азию, нужно временно пожертвовать частью. И лучше временно, чем навсегда. Идея не требует времени, эпидемия в Китае будет ликвидирована. На этом тоже можно будет заработать. К тому времени подрастут новые покупатели, которым будут помнить, к кому приводят спасительные их родители!

Баркли ещё некоторое время разрывал эту мысль, потом передал Мей ключ от церкви:

— Думаю, что теперь вы самая могущественная женщина в мире: в этой руке жизнь многих миллионов людей.

— Да, — в раздумье произнесла Мей, — страшная ответственность...

13

Цзинь Фэн успела только подойти к окраине, когда раздался сигнал подземного часа. После этого сигналы никого из города и в город без специального призыва не пускали. Патруль стоял у того места разрушенной стены, где раньше были Южные ворота, и проверял проходы. Справа и слева от пролома в стенах поле было огорожено несколькими рядами колючей проволоки. Девочка в отчаянии остановилась: она попадала в миссию!

Обдав девочку пылью, по направлению к перезду промчался военный грузовик. В отчаянии она взмахнула рукой и закричала.

Она была уверена, что шофер не слышит. А если случайно и услышал бы, то ни за что не остановится. Но, к её удивлению, грузовик заскрипел тормозами. Из кабинки высыпал солдат. Когда Цинь Фынь запыхавшись, подбежала к грузовику, шофер сердито крикнул:

— Что случилось?

Цинь Фынь и сама не знала, что умеет так жалобно просить, как она просила солдата взять её с собой. Она взлянула в лицо шоффера, и всё ей существенно тронулось в ожидании того, что она ответит. От нескользких слов, которые произнесёт этот солдат, зависела её судьба. Нет, не ей, а судьба товарищей в миссии, судьба порученного ей важного задания! Девочка видела, как губы шоффера растянулись в улыбку и вместо окрика, которого она ожидала, произнесли:

— Садись. Ты не так велика, чтобы перегружать мою машину.

Не помня себя от радости, девочка залезла в кузов и в наименее опустившую на наивысшую там голову. Несколько приди в себя, она разбрела солому и зарылась в неё. Ей стало душно, в лицо пахнуло терпкой прелью, жёсткие стебли больно кололи лицо. Но зато теперь Цинь Фынь была уверена, что жандармы у переезда ей не заметят. И эта успокоенность коснулась её сознания, как сон настиг на её тёмной необairyонной стени.

Она проснулась от того, что грузовик остановился. Сквозь скрившуюся Цинь Фынь соломой было слышно, как шоффер пытался уверить жандармов, что они не имеют права его задерживать, так как он едет по военной необходимости. Он ссыпал на пропуск, выданный комендатурой, и грохнул жандармов висячими карими, ежели они его не пропустят. Но караул виновников состоял из японцев, и они заявили, что на сегодняшний день имеется на этой заставе отменение все пропуска. По этому шоссе никого не пускают. А если шоффер будет ещё разговаривать, то они его арестуют и пусть он сам тогда объясняется с начальством. Цинь Фынь покорно поклонилась, как грузовик повернулся и покатил обратно к городу. Она вылезла из-под соломы и постучала в оконце кабинки. Шоффер оглянулся:

— Что тебе?

— Остановитесь, пожалуйста. Я вылезу.

— Что?

— Мне надо туда, — и она машинально в сторону переезда.

— Тебя не пустят.

— Мне надо.

— Живёшь там?

— Живу, — согласилась девочка.

— Всё равно не пустят. Завтра пойдёшь. А сейчас положу тебя спать. Но это не тут велика, чтобы места не хватило.

— Благодарю вас, но мне очень надо туда, — сказала она, вылезая из кузова.

— Через проволоку не пролезешь. А вот что... — он поколебался — Тебя одну они, может быть, и пустят, а вот с этим, — и он сунул ей в руку деньги.

Её первым движением было вернуть их. Она не знала, кто этот человек. Раз он служит у врагов, — значит, он дурной человек. Попросту говоря, изменник. И деньги у него, значит, некоробные. Нельзя их брать. Но тут же подумала, что эти деньги — единственный шанс миссии наставку, добраться до миссии и выполнить задание. Она взяла деньги:

— Спасибо...

Душа в её теле от радости, что задание будет выполнено. Если она еще не опоздала, товарищи в миссии не попадут на уловку провокаторов, может быть, даже схватят её и отомстят ей за убийство парашютистов.

Цинь Фынь забыла об усталости и голоде. Всё заслонило радость исполнения долга. Она побежала к воротам.

— Эй, ты! — крикнула жандарм и толкнула её прикладом в плечо.

— Может быть, и у тебя тоже есть специальный пропуск?

— Будьте такие добры, возьмите его, — уверенно ответила девочка и протянула ему деньги.

Жандарм склонил бумажки и стал их пересчитывать при свете карманного фонарика. Девочка успела уже перебежать за насыпь из мешков, когда двери «караула» визнанно отворились и упавшая оттуда полоса пригро села на землю. Жандармы с деньгами в руке и девочку.

В дверях караула стоял горничный офицер. Вероятно, он с первого взгляда понял, что произошло, так как тут же крикнул солдату:

— Эй, давай-ка сюда!

Огнянувшись, Цинь Фынь ещё видела, как солдат взял под колпак и протянул деньги офицеру. Но она не стала ждать, что будет дальше, и пустилась во весь дух по дороге прочь от города.

Она уже не видела, как офицер одним взглядом сосчитал добычу, как было уже сунут в карман и как при этом взгляд его упал на что-то, блеснувшее на земле. Офицер поспешно нагнулся и поднял фонарик, обронённый девочкой.

— Если эта девочка не будет задержана, вас всех расстреляют! — крикнула японец скажавшимися жандармам.

Точек ослепительный свет прожектора лёг вдоль дороги. Цинь Фынь бросилась в канаву и окунулась в воду так, что снаружи осталось только лицо.

Сверкающий белый луч осенял её на мгновение и пропадал дальше. Цинь Фынь выныривала и снова в канаве, так как чувствовала, что ей мгновение — и она упадёт в воду и задыхнётся. И тут, прежде чем она успела опять окунуться в воду, луч прожектора ударил ей в лицо. Девочка вскочила и бросилась в подвал. Трава хлестала ей по глазам. Она проплыла в ямы, в канавы, поднималась на колени, плавла, бежала.

Снова падала и снова бежала. В ней жила уверенность, что жандармы за неё не уточня, она успеет скрыться вон в тех кустах, что тёмным пятном выделяются на бурзе. За кустами овраг, а там снова густой кустарник. Только бы добраться до кустов на бурзе! Девочка бежала на тёмную полосу кустов и не видела ничего, кроме этого спасительного пятна.

А жандармы и не думали за нею бежать. Справа и слева от девочки землю взрыли пуги. Захлопнули и автомат японца, отрезав струй свинца путь к кустарнику.

Цинь Фынь продолжала бежать, пока толчок в плечо — такой сильный и жаркий, словно кто-то ударила раскалённой кувалдой, — не швырнула её вперёд. Но инерции она перевернулась ради или да и затихла. Несколько пуль щёк докупили в землю справа и слева, и стрельба прекратилась.

Цинь Фынь пришла в себя и проползла ещё несколько шагов, но силы оставили её, и она опять упала головой вперёд, ударились лицом о землю и больше не шевелилась. Жандармы бежали до неё. Один взял её за ноги, другой подмышки. Японец посетил фонариком. В ярком свете белого бескровного линза девочки и смешно торжества потемневшая от воды красная бумагажка, которой были обмотаны кончики пальцев.

Когда Цинь Фынь полежала на под караула, японец наступил ей на лицо, и увидел, что она открыла глаза, в размахе ударила ей по лицу.

Но она не получувствовала этого удара — другая, более страшная боль растеклась в ней от раненого плеча. Сквозь барабонные пласти, заполнившее её мозг, она не видела японца; вместо японца перед нею стояло лицо её команда — сурое и ласковое, такое, каким она видела его всегда.

14

В комнате становилось душно. Прохлада ночи, заполнявшая сад, не проникала в окна, заслонённые стальными шторами.

Ма сидела с бледным, застывшим лицом. На ней было нарядное платье, прическа была сделана с обычной китайской тщательностью, ноги безукоризненно отполированы.

Стельки — Сяо Фынь — в комнате не было. Приехала, она сразу вызывала у Вея, приказала ему отнести её вещи в комнаты, приготовленные для гостей, и последовала за ним наверх. С тех пор ей никто не видел.

В столовой стало так душно, что, казалось, уже не осталось кислорода.

— Я думаю, нам лучше перейти в сад, — сказала Баркли.

Би смешалась. Он не решался сказать, что странно не позволяет агентам даже на дым приподнять стальные шторы, а не то, чтобы почты выслушать нос из дома. Вместо него ответила Мэй:

— Ответственность за вашу жизнь, сэр, лежит на мне, и ничто, — она любезно улыбнулась генералу, — даже ваше приказание, не заставит меня отворить ход ворота для друга раньше заутреннего утра.

— Но..., Баркли притянул пальцы за воротом, — я задыхаюсь...

— Пройдёмте в библиотеку, не так жарко, — сказала Мэй и посмотрела в сторону окаменевшей Ма. А наша милая хозяйка тем временем распорядилась приготовлениями к ужину.

Не окидав согласия Баркли, Мэй направилась к двери. За нею двинулась все, кроме Ма, даже не поднимая глаза.

Оставшись одна, она продолжала сокращать неподвижность. Мучительные мысли раздирали её мозг: как ловко обманула её провокаторша! После того, что Ма слышала у двери, она может с уверенностью сказать: «Адь увидаа верного товарища. Трудная ягода, которую Ма веда сколько времени по заданию штаба, требовавшего самой строгой конспирации и беспрекословного подчинения, привела её в ловушку. Виновата ли она в этом? Был ли у неё другой выход? Ведь если бы она из нутра была играла роль предательницы, ей не поверили бы враги. Она играла честно, как могла. Ошибка совершиена в последний момент. Но разве могла она знать, что враги овладели паролем уполномоченного партизанского штаба? А может быть, и самое сообщение об этом пароле, принесённое девочкой, было подстроено полицией? Значит, полиция знала и об истинной роли Ма. Почему же ей не схватили? Чего они ждут?

Ма подняла голову и обвела взглядом двери, окна: ни одной лазейки. Достаточно ей чуть-чуть приподнять любую из стальных штор, как тремя звонками по всему дому дадут знать агентам об её появлении. Что же ей остается?

Ма синула руки так, что хрустнули пальцы. Можно ли так распуститься! Как будто не ясно, что нужно делать. Раз провалилось ей так близко, то хранившееся многото, если нельзя больше рассчитывать на то, чтобы спастить в плен падача Яин-Ши-Фана, значит нужно его убить. Его, и Баркли, и Аду. И тогда... тогда поток кончаков и с нею Ма. Но провела рукой по лицу. Так, именно так она и поступит...

Окончательно обросши оцепенением, Ма нажала кнопку звонка и, не глядя на находящую Тан Кэ, строго сказала:

— Подавайте закуски.

Ма поднялась к себе, выпула из туалета маленький пистолет и положила его в сумочку. Когда она вернулась в столовую, стол был готов. Она окунула его привычным взглядом, сделала несколько испарений в сервирожке и опустила горничных. Вдруг она услышала шаркающие шаги Баркли. Это было так неожиданно, что, когда она действительно увидела входившего генерала, пальцы её судорожно скжали сумочку, словно он мог сквозь замшу увидеть лежавшее там оружие.

— На нашу долю не так часто выпадает удовольствие провести спокойно вечер... — с этими словами американец без стеснения оглядел китайскую с ног до головы.

Он говорил что-то очень пошлое, но сознание Ма не воспринимало его слов. Её мозг был целиком занят одним неожиданным открытием: он не знает! Значит, Адь им сказала ему, что Ма-Марин — подпольщица-партизанка! А может быть, и это только новая ловушка? Может быть, этот глупый американец играет с нею, как кошка... Впрочем, не ве ли равен? За чём бы он ни явился сюда, — он ведь, перед нею, не ожидающий того, что из спинки свою открывает сумочку, опускает в неё руку, нащупывает прядящую сталь пистолета, охвачивает пальцами его рукоятку, отводит кнопку предохранителя, медленно, осторожно вынимает оружие из сумочки...

(Окончание следует)

Эстафетный бег — командное соревнование. Тут успех дела решают коллективные усилия всех участников, их дружба, сплайна, умение правильно передать и принять палочку. На снимке: легкоатлетки московского «Динамо». Софья Малышнина передаёт эстафетную палочку Александре Чуднной.

Фото Н. Волкова

Случилось это весной, перед сдачами экзаменами. По своему обыкновению студенты Московского высшего технического училища имени Баумана Лев Зуйков целые дни проводил в читальне, а вечером занимался в общежитии до тех пор, пока не выключали свет.

Работа подвигалась медленно. К одному и тому же приходилось возвращаться по несколько раз. «Пойду», — исподтихоньку бы отдохнуть, — говорил он, но тут же возникала мысль: «А время? Потом не хватит времени».

В этот день он третий раз привинился за новый раздел, но, по-ожидательно ничего не получалось.

Сидевший рядом однокурсник взглянул на часы, сложил впортфель тетради.

— Куда? — спросил Лев.

— На тренировку, готовимся к кроссу. Пойдём со мной.

— Нет, некогда... — Лев снова углубился в книгу.

Но просочек ей с полчаса, он всё-таки закрыл забытую книгу. Был чудесный солнечный день. На подсохших тропах девочки прыгали через верёвочку, во дворе училища играли в волейбол. Дыхание весны ощущалось во всём. Зуйков же, хмурый, усталый, с горечью думал, что вот времена уходит, а он не может заниматься.

Незаметно он дойшёл до парка. «Здесь тренируются наши», — вспомнил Зуйков. — Зайду, взгляну».

Ещё издали он увидел товари-

ВРЕМЯ МОЖНО НАЙТИ

щей. Они только что закончили подготовительные гимнастические упражнения и теперь, выстроившись, ждали сигнала тренера, чтобы начать бег.

Сразу несколько человек крикнули:

— Лёва, присоединяйся!

— Возьми мои тапочки, — предложил дежурный, оставившись около сложенных на скамейке пальто, костюмов и портфелей.

«Может, и вправду пробежаться? — подумал Зуйков. Он сбросил пальто, быстро перебрался и донес товарищу.

С аланы бегущих свернули на узкую тропинку и побежали междуд деревьями, стволами берёз. Как будто было бежать. Свежий воздух, чудесно пахнущий молодой зеленью, вились в грудь, теплый ветерок обвязал гримасочное лицо.

Зуйков, однако, скоро устал и поплыл шагом. Сердце было утомлено, но настроение изменилось. Он почувствовал себя куда бодрее.

Спустя несколько дней, когда в коридоре к Зуйкову подошёл физрук и предложил принять участие в подготовке к физкультурному параду, Лев неуверенно сказал:

— Да вот не знаю, как со временем...

— Три часа в неделю — не так много. Ведь всё зависит от того, что ты организуешь свой рабочий день...

— Три часа, пожалуй, выкрою. Записывай.

Весенний экзаменационный сезон Зуйков сдал на «отлично» и навсегда решил: в будущем году он начнёт заниматься в гимнастической секции с первого дня учёбы.

Дел на втором курсе не убавилось. Пожалуй, даже наоборот: учиться приходилось ещё больше. Но Зуйков аккуратно два раза в неделю приходил в спортивный зал.

Для членов спортивного клуба МВТУ имени Баумана существует правило: в какой бы секции ни состоял студент, он должен сдать нормы на значок ГТО второй ступени.

Общую подготовку студенты ведут в часы обязательных занятий по физкультуре. Но чтобы сдать нормы, этого мало. Спортивный клуб организовал специальную подготовку по комплексу ГТО.

Осенью и весной на стадионе и водной станции, зимой на лыжной базе и в бассейне преподаватели и лучшие спортсмены училища проводят тренировку с новичками, обучают их бегу, прыжкам, плаванию, ходьбе на лыжах, преодолению полосы препятствий.

К середине зимы Зуйков выполнил нормы на значок ГТО первой ступени. И хотя подготовка к сда-

нию нормы на значок ГТО на тренировке.

чё норм требовала ещё больших усилий, теперь Лёва не жалел времени на физкультуру. Да и чего же хотел, когда потраченный час с лыжей вознаграждался по-высшей работоспособностью! Разумеется, он в прошлом году предложил, что смело открою ученикам, что уделить время общественной работы — а работа немалая: Зуиков — член факультетского бюро ВЛКСМ — и заниматься гимнастикой? А теперь он со всем успевшим спрашивается, не чувствует такой усталости, как в прошлом году. Правда, приходится строго планировать день, быть особенно аккуратным и точным.

Спортивный клуб проводил много интересных соревнований. Тут были и кросс на три газеты-много-тигриажки «Бауманец», и первенство училища по волейболу, гимнастике, кольям, лыжам. Лев Зуиков во многих состязаниях принял участие.

Прошло не так много времени, и Зуиков получила третий разряд по лыжам и гимнастике, второго — по лёгкой атлетике.

Но более всего привлекал его дружба Льву Зуикову лыжный спорт. Тренировки в лыжной секции не прекращались и летом. В спортивном лагере училища под руководством тренера секции опытного педагога Дмитрия Павловича Зуикова Зуиков вместе с другими лыжниками готовился к предстоящей спортивной зиме. Каждый день был насыщен разнообразными занятиями. Специальная гимнастика, бег и ходьба по пересечённой местности, спортивные игры помогали укреплять мышцы, накапливать силу, склонность, выносливость.

В числе лучших лыжников училища звание каникулы Зуиков пропёл на всесоюзном спортивном собрании. Ещё летом всё было посыпано обиженческой подготовкой, то теперь главное внимание уделялось освоению лыжной техники. Студенты-спортсмены учились забираться, не теряя скорости, на гору, делать неожиданные повороты, преодолевать крутые спуски.

По соседству тренировались сильнейшие лыжники страны: Василий Смирнов, Владимир Ольшин, Валентин Матюшенков, Михаил Протасов. Зуиков уходил вслед за ними в лес, внимательно наблюдая за тренировкой мастеров, учился у них. Особенно привлекал ему лёгкий, плавный и в то же время стремительный ход Смирнова.

Много полезного принесли Зуикову занятия в сборе, наблюдения за мастерами. Более совершенными, чем раньше, стали его ходы на лыжах. В соревнованиях, проведённых после сбора, он прошёл 18 километров за 1 час 15 минут 4 секунды, выполнив норму первого разряда.

И сейчас, в тёплые весенние дни, вместе с другими студентами-лыжниками МВТУ Лев Зуиков отдаёт свой досуг спорту. Он занимается гимнастикой, лёгкой атлетикой, играет в волейбол. Всё это поможет в будущем спортивному сезону достичь новых успехов.

Сталинский спортивный комсомолец Лев Зуиков является одним из самых активных членов спортивного клуба. Два года подряд студенты-спортсмены избирают его членом правления своего клуба.

ШИЛОВ,
преподаватель кафедры физического воспитания МВТУ.

ВОКРУГ первый ДОСКА МИРА

В Концептом зале имени Чайковского, где всё создано для звучания, где воздух обычно сотрясается от могучих аккордов оркестра и аплодисментов, в эти часы царила тишина.

Когда в шахматном матче встречаются две команды, то смысла сильноголовых шахматистов не осталось: единоборство за так называемую «первой доску». Тысячи зрителей, заполнивших зал Чайковского, с азартным выражением смотрели на обычную как будто, клетчатую шахматную доску на столике посреди просторной эстрады. Это «первая доска» для всех шахматистов мира.

Чёрно-белый узор фигур. Двойные шахматные часы. Двойные потому, что каждый из игроков — и Михаил Ботвинник и Дэвид Бронштейн, оспаривающие звание чемпиона мира, — каждый вёл свой собственный счёт времени, не зависящий от времени противника. В этом внутренне раскалённом (под корокой внешней холода) мире 64 квадратов мало пространства для ошибок или пропусков доски. Скуче движение фигуры оно открывает лишь знаком стиленный ход искусно замаскированных мыслей гроссмейстеров. Но зато время выражает себя с наглаждой и назойливой непреложностью: каждый из партийных должен был затратить на обдумывание первых сорока ходов лишь два с половиной часа, ни одной секунды больше! И двигалась поочерёдно стрелки то на одном, то на другом циферблете двойных часов, и вёс чаше делались на доске ходы. Оба соперника торопились выйти из тисков времени.

На огромной демонстрационной картине доске вертикально расположенная в глубине эстрады, каждый ход, сделанный на столице гроссмейстером, как будто отражался в гигантском увеличительном стекле. Вспыхивали светящиеся буквы: «Ход белых», — затем гласил. И тотчас зажигались: «Ход чёрных», — и загоралась соответственно одна из двух больших циферблотов по углам шахты.

— Пойдёл...

И каждый раз возникало лёгкое гудение, шуршание и широк в безмолвном зале. Зрители, знатоки или полагающие себя таковыми, шёпотом комментировали совершенный на доске ход. Но тогда краю эстрады приближалась громкая сумасшедшая демонстрация мастер Карл Оноцкий. Он поднял руки и медленно махнул ими ладонями вниз, как бы благословляя тишину, которая тотчас же снова устанавливалась в зале...

Два ярких флашка, ярко освещённые настольной лампой, горели над доской. Они напоминали о том, что «первая доска» мира сегодня находится в Москве — столице Советского Союза. И за высокое звание шахматного чемпиона земного шара боролись два советских гроссмейстера.

Да, все знали, что чемпионом мира по шахматам так или, иначе будет советский гроссмейстер. Патристические чувства зрителей почтятого поединка закончили торжествовали. Но от этого страстный интерес к матчу, пронесшийся сквозь его исход, не на один градус не остыпал. И у Ботвинника, и у Бронштейна достаточно верных

приверженцев, непреклонно убеждённых в непобедимости своих славных фаворитов. Ах, как им трудно наблюдать тишину!

Среди приверженцев обеих гроссмейстеров я видел в эти дни много знакомых лиц; это почитатели спорта вообще, любой его разновидности. Ну конечно, я же не раз встречал, вот эти порывистых, громогласных, либо, сегодня умноженных шепчущихся в зале парней, эти громких и стонущих столичных студентов «Динамо», глядящие приветственным взглядом на негодуций клич их тогда сотрясал небо!

Нет, ничего этого делать здесь нельзя. Нельзя даже в горячке цепотью громко напомнить: «Время!»

...Как всегда, неподвижно сидят Ботвинник, не отрываясь, пристально глядят на расположившиеся по всей доске фигуры, пропицывающие замыслы противника, и упрям, дальновидно, прочи наивает дальнейшие перспективы борьбы.

Сделав ход, прогуливается короткими шагами по залу концертный мастер Карл Оноцкий. Остановливается, заложив руки за спину, смотрит, закинув голову, на большой демонстрационный щит, словно оценивает сквозь глазом всё то, что он смело и хитроумно подстроил на доске...

А в кулуарах, фойе, вестибюле, у демонстрационных щитов и даже в подъезде шли споры. Здесь каждый приносил свой совет, который бы он — если бы только позволил! — дал Ботвиннику или Бронштейну. Здесь у каждого ты-

чили наихудших вариантов из всех возможных. Все говорили разом, вместе и с такой уверенностью, что, кажется, любой из спорящих немедленно — позови его только и согласись бы занять одно из мест «первой доски» мира, в большом зале, в довести партию до победы конца за гроссмейстер, который, видимо, сам не догадывается, как надо сейчас пойти...

— Могу поручиться: берёт ко-
нём пешка — ше-три.

— А слон, что, по-вашему?..

Слон он тогда ест харь-й.

— Это уж вы сами кушайте слон на здоровье... лади-й! А ему расчёт нет: ослабляет позицию! Ему один выход: ферзем сюда встор.

На доске медленно перемещается пешка, расположенная «самов в другом «первой игре». Знатоки явно смущены:

— Да-с... Не угадали.

Впрочем, надо сказать, что «не угадывали» в кулуарах довольно часто. И не потому, что плохо знали игру, нет. Шахматы у нас умеют ценить. Большинство зрителей отлично разбирается в самых сложных позициях. Но тут чисто виной всему горячее пристрастие к любому гроссмейстеру. От этого пристрастия иной раз находит затмение.

Я присутствовал на знаменитой однинадцатой партии матча, когда, не совсем отчетливо понимаясь, жертвовали две пешки и затем давали возможность Бронштейну завершить инициативу. Ботвинник попал в бедственное положение. Это было видно даже не знатокам. Вот Ботвинник оказался вымуженным отдать ферзя за ладью и коня. В тишине зала, казалось, слышался треск, вскырывающих Бронштейнов позиций Ботвинника. Но вокруг меня умримые болельщики успокаивающе отмывались:

— Ну и что? Подумаешь — ферзь... А зал как развязал себе ферзя! Можете не сомневаться, зри ферзя и покернует! Значит, у него в запасе есть что-то.

Они были непоколебимы в своей уверенности. Они не сдавались. Ботвинник сдался раньше их, крепко пожав руку выигравшему у него на этот раз противнику.

Мне запомнились среди зрителей некоторые фигуры, которые были уже обречены на поражение каждого игрока матча. Были тут школьники-старшеклассники с маленькими карманными досками, испачканными чернилами. Боясь, что в дни матча на первенство мира подобного рода постайные доски не раз обнаживались в классах под партой во время уроков...

Всегда можно найти среди зрителей людей приезжих, командированных в столицу по делам и улучшивших свободный вечерок, чтобы хоть раз в веке поглядеть

на самых знаменитых громсмейстеров мира. Они же, пользуясь возможностью дать домой телеграмму с пометкой «с матча на первенство мира по шахматам», засыпали в кулаху бланки.

Были специальные любители шахмат. Однажды я привезла после долгих часов веера, чтобы погладить, выражаясь их собственным словами, как будет раскладываться узкая запаренная каша на доске... Они, наверст глядя, застывали в коридоре, торопливо входили в зал, не спеша разумоек глазами глядывались в расположение фигур на демонстрационной доске, целили сквозь зубы глубокомысленное «мы-да», затем с надеждой глядывались в лица секундантов, но не в силах разгадать непроницаемую тень, лежавшую на лицах Романова и Константинопольского, опускались со вздохом на свою места с хода начинали «боевые» вместе со всеми.

В левом секторе амфитеатра, если стать лицом к эстраде, обычно дремал некий старичок, худенький, бледный, с кривой спиной. Убояканный тишиной зала, он болезненно спал, склонив голову на руку, сплющенную на рукоткте трости. Но сзади на доске следил за ходом старичок приоткрыл один глаз и внимательно смотрел на эстраду. Причём действовал он, как я убедился, наподобие шахматных часов: пойдёт Ботвинник — старичок откроет левый глаз, сделает ход Бронштейн — у старичка глядят правые...

Встретил я здесь одного из заслуженных любителей спортивного сочинования, будь то эстафета на Саломонову колыбель, водолазы, поло, теннис, лёголис или футбол. Негромонный остряк, он, ох, быстро входил в зал, с наивным видом неизменно освежался шёпотом у наиболее сородиченных шахматных болельщиков: «Борбов «Спортсмена» годия играет?» или: «А как же из них Хомин?» — чем каждый раз вызывало возмущение шахматных любителей, шиневших и фиктивных пото...

Подавляющее большинство, осенюю массу зрителей, изо дня в день посещавших зал Чайковского в эти вечера, составляли нескрение почитатели древней и печально молодой игры, умеющие распознавать в бесстрастной подвижности чёрных и белых фигурок и в их ходах горение замечательной творческой мысли.

Здесь можно было встретить знатных передовиков производства московских заводов, комсомольцев из рабочих шахматных кружков, прорабов, инженеров, писателей, артистов, музыкантов. Внимательно следили они за борьбой на «первью доске» мира, ныне прочно утвердившейся в Москве.

ЖЕРТВА Моды

Фельстон

В этот линирующий майский день Людочка явилась в лекционное бюро на почтах раневые. Ей нужно было до начала занятий отпечатывать линию Калугина. Он пришёл в сцену Ах, как стучало и пело в груди глупое девичье сердце, окрыленное мечтами, опьяненное счастьем...

Людочка всперхнула на третий этаж, помахавшая очень новой и очень модной дамской сумочкой. Окнования с трёх сторон инкрустированные жемчугом, сумочка моталась из стороны в сторону и с грохотом ударила о чугунные перила. Однако Людочки она называлась верхом изящества, потому что это было последний крик моды и еще потому, что на этот крик ушла значительная часть доходов из её карманов.

На прощании третьего этажа Людочка энергичным жестом уронила разбушевавшуюся сумку и щёлкнула монументальным замком. Через несколько минут терпеливых поисков из инкрустированной пасти было извлечено крохотное, в паточек, зернушце, ловко орудия которым Людочка произвела белый обзор из наиболее существенных частей своего туалета. Мимоходом был выбит еще выше воздушный ион на лбу и вдругоментно носику придано независимое выражение. Изпод восторженного распахнутых ресниц смотрела глупая на облезлую дверь магазина, обивавшей двери областного лекариного бора. А вдруг он там?

Его, конечно, не было. Глупо было ожидать, чтобы он пришёл на часы работы. Люда прошлась через пустую канцелярию в свою комнату, где помещались только столик с машинкой и два стула, но в которой сегодня было так много солица, что его хватило бы на самую большую ладу Эрмитажа.

Тонкие пальцы лучей робко перебирали клавиши старой машинки, пытались напечатать что-то поэтическое и неизвестное. На клавишах вспыхивали золотые бузы и гнилые сапоги.

Людочка села за машинку, достала на столе пачку листов, испытанных размахистыми перчерном, погладила руническую и тихо задумалась.

Вот сейчас ему не стыдно познакомиться с тобою где угодно, — говорил ей.

Людочка бойко отступила последний азац, перевернула страницу и замерла. Следующий лист не имел номера, он был небрежно написан всё тем же изогнутым перчерном, но с первых же строк его становились понятными, что это странница из недописанного письма, случайно попавшая в рукопись...

Виктор Иванович писал своему другу:

«...она менялась на глазах, превращалась из симпатичной девушки в кануюю-то американскую куклу, неестественно окрашенную, нелепо одетую, с неумным лицом... да, да, я утверждало, что в процессе этого превращения менялся не только внешний облик моей Людмилы, но

она, удивлявшая подруг равнодушных и нарядных, неожиданно заставала себе очень модное платье с грандёрским плечами. С непривычной платье попалаюсь Людочке улички, но чего не вынесешь! Бывший Людочки не выдернувал её из начинки, и ей оставалась ещё возможность по совместительству, загрузить себя до предела работой на дому, откладывая от занятий в вечернем университете...

Рисунок Ю. Фёдорова

Зато в результате геронического метания из одного учреждения в другое, от одной машинки и другой у Люды появился модный фиестильтовый костюм, пальто с воротником в виде трубы «об-геликона» и совершенно очаровательная шапка, которую привезла ей подруга. Теперь у подруги и опытные соудочницы находили, что она одевается элегантно и со вкусом — по-столичному.

— Вот сейчас ему не стыдно познакомиться с тобою где угодно, — говорил ей.

Людочка бойко отступила последний азац, перевернула страницу и замерла. Следующий лист не имел номера, он был небрежно написан всё тем же изогнутым перчерном, но с первых же строк его становились понятными, что это странница из недописанного письма, случайно попавшая в рукопись...

Виктор Иванович писал своему другу:

«...она менялась на глазах, превращалась из симпатичной девушки в кануюю-то американскую куклу, неестественно окрашенную, нелепо одетую, с неумным лицом... да, да, я утверждало, что в процессе этого превращения менялся не только внешний облик моей Людмилы, но

и внутренний. Она глупела — это бесспорно.

Удары судьбы, дорогой друг, обрушивались на меня один за другим. Всёд за сумкой, обитой металлическими обручами, у Людочки появилось платье с фанерными вставками в носую сажене. Плечи вареные, ноги — вареные, ободралась ей тоненькая фигуру.

Я далинико называл Люде, что мне не изразится ей манера одеваться, сна, она поила меня, кажется, в обратном смысле!

Я терпел. Я долго терпел. Я

приплыл к заболевшей предельно синхронистичности. Но вот появилась шильдя... Это была самая загородная шильдя из всех существующих на свете! И я не выдергал...

Эхдиная фантазия конструктора, создавшего этот предмет культа, привела свою творческую разительную схожесть с вороной птицей. Икриальная шильдя угрожающе наивисал над збором своей плакиды, опуская на затылок напоминавшую илелепый раздробленный хвосты...

После этого приобретение ни хранило ничтого, появившегося на месте безжалостно выдраных хоровных чёрных бровей, ни губы

бровида очи модного золотистого цвета, ни кокетливый ма-

мимор — и это не могло уже вне-

сти существенных изменений в облике мученины моды.

Так я потерял свою Людочку...

В лепицком бюро началась рабочий день. Явился директор и распёр бухгалтер за несновременную выплату ленторских городов. Молодому лингвисту вручали первую в его жизни путёвку. Инспектор Нина кончила с кем-то по телефону. И тут Даша успела уже допросить впечатлённых лекто-ров о том, куда, в самом деле, живут в Ленинграде представители полов...

За пыльным окном лепицкого бора привычно звенели весенние потоки, и зачинщики, обрывая телефоны, в один голос скрипично требовали для своих учреждений лекцию о любви и дружбе...

А в маленькой солнечной комнате возле старой, забытой ма-

шинки гордо рыдала Людочка.

Рядом с нею в беззвучном ехидном хохоте слышалась инкрустированную пастель от очень модной сумки.

Впрочем, и распутство совершило достоверные сведения о том, что недалеко спустя Виктора Ивановича и Людочки видели в парке культуры и отдыха. Они начались в лодке, и Людочка училась гребти. На десне была майка небесно-голубого цвета с ослепительно белым воротничком, кото-рый удивительно илел и бурно-весенним эзром...

Молодые люди всё время о чём-то говорили, и судя по звонким раскатам весёлого смеха, им было не скучно.

т. Грозный.

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ»

Недавно редакция «Смены» совместно с правлением Центрального дома журналиста организовала конференцию читателей юного журнала. Здесь были представлены самые различных слоев молодежи — студенты, комсомольцы, фабрикантинисты и учащиеся средних школ, библиотекари и воспитанники ремесленных училищ. Всех с читателями пришли и молодые писатели, поэты, художники, писатели-художники. Красивые девушки, дружеская беседа тихо, что делает журнал, и тех, кого журнал обслуживает, для читателей было приятно.

Открывая конференцию, член редакционной коллегии журнала поэт и писатель Денис Аксаков начал участников развернуть широкую критику и самокритику и категорично подумал о том, как следить за «лучшими интересами», как приобщать его к молодежи.

Краткий отчет журнала сделал критик Юрий Сурков. Затем затянулись прения.

Одни за другим, промежуточно на трупах, выступали и авторы, студенты московских вузов из «Смены». Леонид Я. Грановский, К. Вишневский, мальчики-студенты Ю. Бородина, В. Георгиевича, поэт С. Асадов, стахановец завода «Красный богатырь» Люба Хоперская, представи-

Фото Г. Борисова

тель Антифашистского комитета молодежи, мальчик-стахановец молодой инженер Н. Грубе, художники А. Житомирский и В. Гутров...

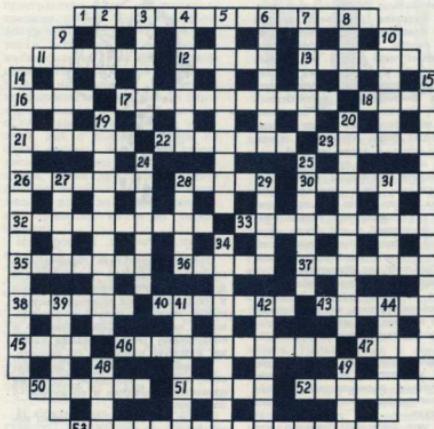
КРОССВОРД

По горизонтали:

- Партизанско-комсомолика, герой на советской почте. 11. Механик на паровозе. 12. Химический прибор. 13. Денежный знак. 16. Огнестрельный прибор. 17. Советский поэт. 18. Писатель, погибший в бою первого мировой войны. 20. Голос одного голоса. 21. Город в Московской области. 22. Концлагерь, надпись на стенах. 23. Воинское приветствие. 26. Часть машины. 28. Понятый спуск. 30. Город на Северном Кавказе. 32. Насаждение деревьев. 33. Виды антифашистского восстания в России. 35. Картина, написанная с обеих сторон. 36. Сорт хлеба. 37. Капюшон, воротник. 38. Город в Китае. 40. Увеличение в численности. 42. Инструменталист, музыкальное произведение. 45. Рифмы. 46. Сочетание. 48. Часть чего-нибудь незаконченного, незавершенного. 49. Американская писательница. 50. Советский писатель. 51. Столица Афганистана. 52. Изобретатель стереоскопа. 53. Наука о вондении судов.

По вертикали:

- Птица из семейства соколиных. 3. Средний город нашей Родины. 4. Убийца, живущий в чистоте. 5. Движущаяся кукла. 6. Логичность, стройность, лёгкость. 7. Гора в Краснодарском крае. 8. Имя таджикской советской литературы. 9. Рассказы М. Горького. 10. Повторяющееся в стихотворении, повторяющееся в песне. 14. Печенные отравления. 15. Трудовое состязание. 19. Психологический прием. 20. Страна. 24. Сокращение сестринской судьи. 25. Склонение воды. 27. Опера С. Рахманинова. 28. Вечнозеленое дерево, имеющее блестящие масличные листья. 29. Физические упражнения. 31. Город в Горьковской области. 34. Великий русский революционер, писатель, публицист. 35. Минеральная лечебная вода. 41. Знак действий извлечения корней. 42. Ряд поправок к законам. 43. Аргумент. 44. Выдающийся русский металлург XIX века, заложивший основы начальной металлургии. 48. Французский писатель. 49. Зимняя почва.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 6

По горизонтали:

- Тобликин, А. Хакона. 9. Сенин, И. 12. Талыкин. 13. Бренек. 14. Идея. 15. Энда. 16. Мицкин. 18. Тобикин. 20. «Лягушка». 21. Смотр. Прост. 25. Глина. 27. Ремесленный. 28. Ермаков. 31. Рубцов. 33. Напев. 34. Донор. 36. Отметка. 39. Трасса. 41. Рыбьев. 42. Корни. 43. Кама. 44. «Огни». 46. Пионер. 48. Грановка. 49. Мортира. 50. Бромлов. 52. Нота. 47. Осло.

По вертикали:

- Абсолютизм. 3. Осетин. 4. Мандат. 5. Поль. 6. Украина. 9. Съезд. 10. Нероглиф. 11. Рамма. 17. «Овод». 19. Юмор. 21. Сахалин. 22. Радион. 23. Пароход. 24. Арамвир. 25. Глиэр. 26. Абрис. 29. Объект. 30. Энгельс. 31. Айда. 35. Прогноз. 36. Энтузиазм. 37. Амана. 38. Сенчев. 40. Амкора. 41. Рапира. 45. Нота. 47. Осло.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-32-34-24. А — 04308. Подписано к печати 10/V 1951 г. Заказ № 1082. Тираж 120.000. Изд. № 220.

Типография газеты «Правда» имени Стالина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА
В номере:

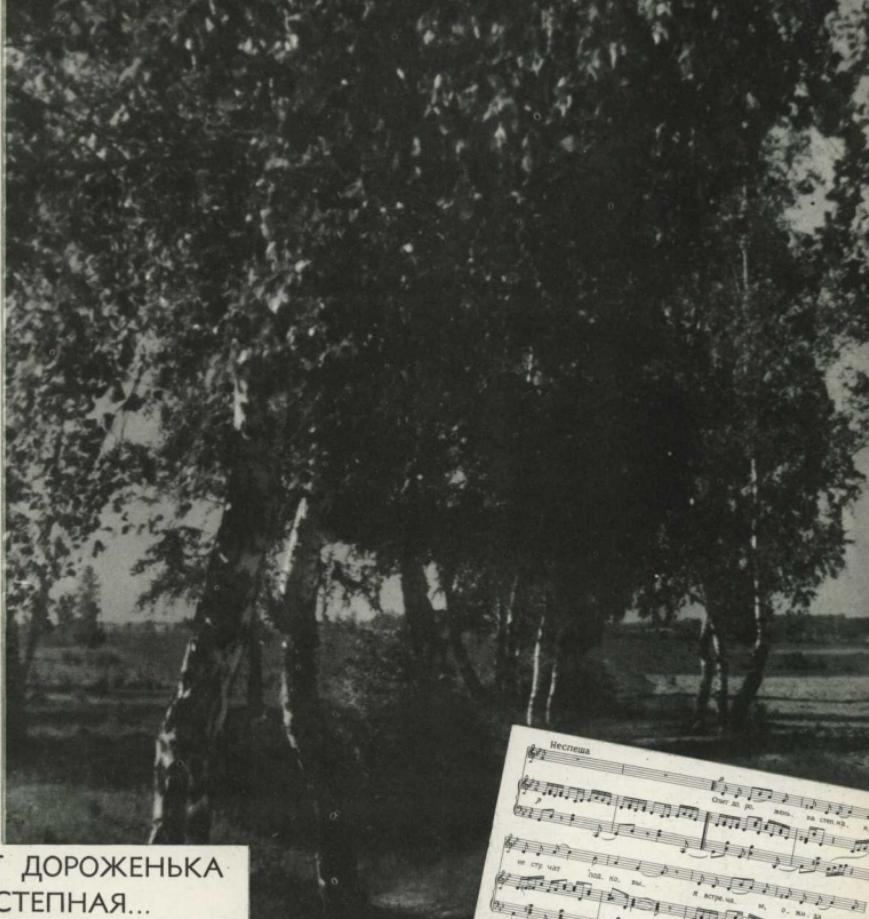
Гордость советского народа.
Интервью «Смены»:
Н. Голованов — Корифен русской оперы.
Е. Ступская — А. Батурина, Г. Уланова — Достойная смена.
М. Петровский — Художник в воздухе.
Р. Захаров — Высокая награда.
Ю. Файер — Искусство радости.

В. Шустиков — Весна на Дону.
Лев Лубин — Ночь.
Винтор Ури — Первоймайский Трудовой подвиг.
Герхард Нохайранц — «Ждём дороги», гостеприимство.
Мария Львова — Женщина с комсомольской Путеводительницей.
Людмила Уварова — Новое поколение.
Мария Лисинская — Счастье.
Юрий Веруцкий — Сорок пять лет.
Н. Комухова — Праздник в институте.
Нина Наполов — Связная.
В. Шилов — Время можно найти.
Лев Касиль — Вокруг «первого доскона» мира.
Николай Шатилов — Жертва моды.

На первом странице — обложка спектакля «Борис Годунов» в роли Бориса в опере И. Римского-Корсакова. Фото Е. Игнатович.
На четвёртой странице — обложка фильма Р. Руйковича.

Оформление номера В. Урина

СПИТ ДОРОЖЕНЬКА СТЕПНАЯ...

Слова А. ЧУРКИНА

Музыка В. СОЛОВЬЕВА-СЕДОГО

Спят дороженка степная,
На стволе берёзы.
Я встречаю, онидно
Друга дорогого.

Сердце тает, замирает.
Где ты, мой друг-отрада?
Мне тебя лишь не хватает,
Мне тебя лишь надо.

Что ты, ягоды малина,
Не цвети, не плоди?

Почему ты ходишь мимо,
В гости не заглянешь?

Что не ласкожь ты со мною,
Ни чём не спокоин?

Что ты ходишь стороной?

Что на сердце носишь?

Ты постой, мой друг-отрада,
Погоди, я с тобой.

Посяди со мною рядом
Под моим оношком!

За лесочком на поляне
Сидит хороший юноша.

Приходи скорей, желанный,
Приходи, хороший!

Неструса

Спит др. ро. мес. на сплох. а.

ме спу чат то по ве. и ворчал. и. р. ма. да. я.

ду га д. ро. го. говитя. ет. ал. ма. ра. ет. па. п. с.

па. да. л. мне те. б. лин. не хва. я. ет. мне Т. б. лин.

ли. да. мне те. б. лин. не хва. я. ет. мне те. б. лин. вад.

Музыкаль ноты и текст песни "Спит дороженка степная..."

Цена номера 2 руб.

